

HORRORZONE

ПАРФЕНОВ М. С.

ЗОНА УЖАСА

HorrorZone

М. С. Парфенов

Зона ужаса

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Парфенов М. С.

Зона ужаса / М. С. Парфенов — «Издательство АСТ»,
2022 — (HorrorZone)

ISBN 978-5-17-150226-3

Здесь, в «Зоне ужаса», смертельно опасен каждый вздох, каждый взгляд, каждый шорох. Обычная маршрутка оказывается чудовищем из иных миров. Армия насекомых атакует жилую высотку в Митино. Маленький мальчик спешит на встречу с «не-мертвыми» друзьями. Пожилой мужчина пытается убить монстра, в которого превратилась его престарелая мать. Писатель-детективщик читает дневник маньяка. Паукообразная тварь охотится на младенцев... Не каждый читатель сможет пройти через это. Не каждый рискнет взглянуть в лицо тому, кто является вам во сне. Вампир-графоман и дьявол-коммерсант – самые мирные обитатели этого мрачного края, который зовется не иначе как ЗОНА УЖАСА.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-150226-3

© Парфенов М. С., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Страна тараканов	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	27
10	30
11	34
12	35
Мост	36
Корректурa	43
Конец пути	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

М. С. Парфенов
Зона ужаса
Сборник

© Парфенов М. С., текст, 2022

© Валерий Петелин, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предисловие

Несколько слов от автора

Это уже третье издание «Зоны ужаса», и я чувствую, что должен сказать пару слов в связи с этим.

Впервые сборник «Зона ужаса» увидел свет в 2017 году, а многие вошедшие в него рассказы были написаны гораздо, гораздо раньше. Поэтому, если вы наткнетесь здесь на что-то, что покажется вам актуальным, что называется, «на злобу дня» – имейте в виду, что это лишь совпадение. Ну, либо считайте автора гениальным предсказателем – я не стану возражать, хе-хе.

В рассказе «Тени по воде» описывается глобальная пандемия, берущая начало в Азии, что весьма похоже на эпидемию нового коронавируса. Однако сама история родилась в 2014 году. В рассказе под названием «Снежки» (датируется 2016 годом) также можно усмотреть аллюзии на день сегодняшний. Историю о постапокалипсисе «Конец пути» (2015) многие теперь воспринимают как самое натуральное предсказание мирового конфликта и его последствий в нашем ближайшем будущем.

Как видите, все эти вещи написаны отнюдь не по пятам «горячих» событий – это совершенно точно не мое, я так просто не умею.

Кроме того, хочу еще раз отметить, что мои «Мост» и «Гроб на колесах» никак не связаны с рассказами «Троллев мост» Нила Геймана и «Миля 81» Стивена Кинга – «Гроб» так вообще впервые был опубликован на годы раньше, чем Кинг выпустил свой. Впрочем, не стану отрицать, что отчасти меня вдохновляли другие произведения «короля», такие как «Кристина». А вот историю под названием «В пыль» я и правда написал, побуждаемый желанием сочинить что-нибудь в духе кинговской «Серой дряни».

Кстати, «В пыль», как и еще один рассказ из этой книги, «Что тебе снится?», был в прошлом году экранизирован в рамках телепроекта «Не бойся». Вероятно, это что-то говорит о творческом пути автора. Как и то, что «Мост», «Снежки» и «Страну тараканов» перевели на английский и хотят опубликовать за рубежом – кто знает, может, в будущем последует еще одно издание «Зоны ужаса»?.. Я был бы рад.

Как я искренне рад определенному успеху первых изданий этого сборника, за что искренне благодарен всем причастным. Своим родителям, любимой супруге и коту, моим замечательным коллегам по перу, а также читателям и, конечно же, милейшим сотрудникам издательства АСТ и редакции «Астрель-СПб» в частности.

Но пока вас еще не затошнило от обилия книксенов и расшаркиваний, я как автор должен предупредить всех, кто с моим творчеством пока еще не знаком: эта книга называется «Зона УЖАСА», а не «Зона КОМФОРТА».

Здесьние истории порой кусаются.

Страна тараканов

1

Пешая прогулка от метро к дому занимала у Кости Пургина, как правило, минут двадцать, плюс-минус. Иногда чуть больше, если заглянуть в «Биллу» – он испытывал слабость к тамошним мороженым чизбургерам. Дважды в месяц, после получки и аванса, по пятницам он заскакивал в паб, носивший оригинальное название «Паб», благо тот располагался буквально через дорогу от высотки, в которой Костя снимал квартиру. Так или иначе, но, даже если мутноватый, с привкусом кориандра «Хугарден» удерживал его в пивной дольше положенного, Костя все равно возвращался домой еще засветло. Самое позднее – на закате.

В этот раз дорогу ему уже освещали уличные фонари, а небо покрыла беззвездная ночная тьма. Трудовая неделя в маленькой фирме, где Костя работал, только началась, в «Биллу» заходить надобности не было, но он все равно задержался. И на то у него имелась очень даже веская причина.

Костя переехал в столицу несколько лет назад, мечтая, конечно же, устроиться поближе к центру. Собственная, обязательно двухъярусная, квартира (квартирище!) в Москва-Сити или окрестностях – вот о чем он лелеял мечты, но пока приходилось ютиться в Митино. Не худший вариант на самом деле, и – лучшее из того, что он мог себе позволить. Всякий, кто хоть раз бывал в Митино, не считая местных – тех, кто тут родился или жил уже долгое время – подтвердит, что это еще не совсем *настоящая* Москва, но уже и не трущобы замкадья. В этот вечер у Кости состоялось романтическое свидание с девушкой из здешних, из тех, кто как раз считает себя полноценными москвичами. Уже третье по счету, но первое, когда Вика пригласила его к себе.

Они неплохо провели время: перекусили чуть теплой пиццей за просмотром какого-то глупого фантастического фильма на «ТВ-3», запивая красным домашним вином. Бутылку, подарок кубанских однокашников, принес с собой он, пиццу заказала она. Режиссером фильма был Джим Уайнорски, и ближе к финалу Костя, смеясь, сказал Вике, что в жизни не видел такого дешевого дерьма. А та вместо ответа мягким движением скользнула к нему на руки, подставляя губы для поцелуя.

Потом, после первого, немного сумбурного акта, они вышли покурить, и Костя, смущаясь, показал на свой дом – с ее балкона на двадцатом этаже весь район был как на ладони, виднелась крыша и его высотки на другом конце Митино. «Хорошо, – кивнула Вика. – В следующий раз у тебя заночуем». Из-за уха у нее выпал непослушный вьющийся локон, и сердце Кости затрепетало, как у мальчишки. Она добавила, окинув взглядом открывавшийся с вершины пейзаж: «Как же все-таки здесь чертовски замечательно!»

В тот момент Костя готов был с ней согласиться, несмотря на свои мечты о Москва-Сити. Вид впечатлял. Башни панельных домов сторожили покой зеленых газонов, где, как блестящие камушки на дне фонтана, были разбросаны цветастые кругляши игровых площадок. Замечательно или нет, подумал он тогда, но жить здесь и правда не так уж плохо. Далековато, конечно, от *настоящей* Москвы, достаточно далеко, чтобы Костя пять дней в неделю жалел об украденных подземкой часах сна и отдыха. Но зато рядом с Викой. А может, ну его к черту, этот Сити?..

Он продолжал думать об этом, возвращаясь к себе, пока лениво плыл по узкому руслу Третьего переулочка, то и дело черпая подошвами асфальтовый ил. Мышцы сладко ныли после второго, куда более продолжительного, нежного и выматывающего приступа страсти. На губах и языке осталась тень ее поцелуев. Костю клонило в сон, отчего все вокруг выглядело чуть иначе, фантастичнее, не так, как обычно. Мысли кружили в голове, как мотыльки в сказоч-

ном мареве фонарного света. Колонны многоэтажек подпирали темный небосвод, и Костя сам себе казался маленьким, но весьма довольным насекомым, бессмысленно копошащимся под ногами у мрачных великанов. Этот образ, можно сказать, материализовался, когда из зарослей овсяницы на тротуар перед ним выполз таракан.

2

Ползучие твари вызывали у него отвращение с детства, так что при виде уродца он внутренне содрогнулся и на время забыл про Вику. Фантазия о медовой реке Третьего переулка, которую Костя успел себе насочинять, треснула и разбилась на мелкие кусочки.

Их с тараканом разделяло несколько метров, но Костя при свете стоящего впереди фонаря достаточно четко видел овальное, цвета спелой маслины, тело. Приближаясь, смог разглядеть шесть изогнутых ножек и пару тонких усиков. Насекомое шевелило ими, напоминая слепца, орудующего не одной, а сразу двумя тросточками. Когда Костя в очередной раз с громким шорохом загреб подошвой асфальт, таракан не бежал обратно в траву, но даже наоборот – развернулся навстречу. Чуть задрал маленькую черную голову, зашевелил усиками, словно собираясь что-то сказать.

Эй, старичок! Не подскажешь, как доползти к ближайшей свалке гниющих отходов?

Должно быть, это проснулись его собственные, внутренние «тараканы». До знакомства с Викторией у Кости случилась всего-то парочка не особо удачных свиданий тут, в столице, так что он привык проводить вечера и ночи в одиночестве, разговаривая сам с собой. Со своими внутренними тараканами, у которых был вот этот язвительный, злобный голосок.

Слышь, дылда деревенская? Я что, за тобой гоняться должен?

Ребристый протектор китайского кроссовка припечатал нахальное насекомое к асфальту. Костя как будто наступил на перезревшую вишню – под пяткой раздался еле слышный хруст ее невидимой косточки. Он хотел вытереть подошву о траву, но тут в кармане джинсов ожил смартфон.

Вика?.. О нет. Хриплым голосом Елена Ваенга весело сообщила ему о том, что «даже Ван Гог пил абсент», а потому она не променяет зеленый цвет ни на что другое.

Костя поморщился, пока остатки сонных мечтаний разлетались прочь, будто стайка птиц, потревоженных на стоянке. В его жизни хватало неприятных, но обязательных ритуалов: оплатить счета, вынести мусор... поболтать со своим персональным дьяволом. Следовало позвонить ей после работы, как он делал всегда, каждый вечер. Ему следовало поступить так, чтобы не нарушать заведенный обычай, но сегодня Костя отвлекся, у него в кои-то веки был повод отвлечься, и – забыл.

– И что же вы себе возомнили, молодой человек?!

Она выплевывала слова визгливой квакающей скороговоркой, и *шо жа вы са-бэ ва-за-мни-ли, ма-ла-дой ча-ла-вех*. Будто имперский штурмовик, стреляющий из бластера короткими пульсирующими очередями. Ему не нравилось часами кататься в московском метро, он терпеть не мог тараканов, но больше всего Костя ненавидел этот мерзкий говор. На избавление от кубанского акцента у него ушло полгода. Но всякий раз, когда он слышал ее голос в трубке, в нем просыпались те самые внутренние тараканы и начинали нашептывать о том, что ему, сраному провинциальному ничтожеству, никогда не стать *настоящим* москвичом.

По крайней мере до тех пор, пока жива эта старая пьяница.

– Прости, мам, совсем замотался. Как белка в колесе...

– Нет, посмотрите-ка на него! – Это звучало как *са-три-ти-ха-на-ни-хо*. – Мама места себе не найдет, ждет звоночка (*зв-но-щи-ха*) от сыночка (*сы-но-щи-ха*). А он...

Костя ясно представил, как та сидит на старой кухне, с дешевым мобильником в одной руке, банкой «джин-тоники» в другой и – квакает, квакает, квакает. Изрыгает пульсирующие сгустки плазмы. По с трудом ворочающемуся языку среди подгнивших, коричневых от никотина зубов ползают блестящие, перемазанные желчью твари наподобие той, с которой он только что покончил. И с каждым словом, с каждым чертовым иш-шо валяются из разверстой могилы

рта в вырез потасканного домашнего халата на массивную желеподобную грудь. Шлепками отмечают встречу с клеенкой на крышке стола, с влажным чмоканьем падают в ее пойло.

Вытравить Елену Николаевну Пургину из своей жизни, как крикливый малоросский акцент, оставить прозябать в дурной компании двух старинных приятелей, джина и тоника. Забыть раз и навсегда. Не этого ли он хотел? Не от ее ли назойливого внимания бежал в столицу?.. Напрасно! Мать была не из тех увядших пенсионерок, что в будни смотрят вечерние ток-шоу на «Первом», а по выходным встают спозаранку, дабы позачеркивать цифры в билетах «Русского лото» и «Золотого ключа». В любой день недели, в любое время суток, трезвая или пьяная – в последние годы чаще пьяная – мать командовала. Привыкла держать на поводке кого-нибудь, на кого можно вдоволь поквакать. Прошлой осенью отчима сразил инсульт, и невидимая петля удушливой материнской «заботы» ту же прежнего затянулась на шее у Кости.

– Мам, ну правда, прости, – безуспешно пытался он оправдаться. – Завал на работе, устал...

– Уста-ал!.. О семье уже (*ужо*) и подумать некогда!.. Бессовестный... бесстыжий... весь в отца!.. Если (*ес-си*) вы, молодой человек, думаете там (*та-ма*) себе, что (*шо*) можете вот так запросто...

«Вели ей закрыть пасть и *за-пра-ста ат-ва-лить* от тебя, – шепнул внутренний голос. – Раздави погань. Слабо?! Сраная провинция! Потому и не живешь в *настоящей* Москве, а годами копошишься в дерьме у порога. Как таракан, как жалкий гребанный таракан. Ну хотя бы просто сказать «спокойной ночи» и выключить телефон ты способен, ничтожество? Это ведь...»

– ...не так трудна-а?! Костя, ты вообще слышишь, шо мама тебе говорит?

– Да. – Он замер перед пешеходной дорожкой, на перекрестке. Одинокий светофор механически мигал оранжевым глазом, как цветомузыка на самой бессмысленной в мире дискотеке. – Мам, прости, бога ради. Честное слово, нет сил... Спать хочу – умираю.

– Господи (*хос-спа-ади-и*)! – прошипел динамик телефона. – Время-то, время-то сколько (*ско-ха*)!.. А ты еще (*ши-шо, о боже, опять это «ши-шо»!*) даже не дома?! Да какая ж это работа, когда ночь на дворе?!

– Я уже почти дошел, мам, – вздохнул Костя (*раздави ее*), стараясь не прислушиваться к тому (*размажь чертову пьянь по асфальту*), что нашептывал мерзкий голосок. – Просто в офисе задержался. Пару багов нашли в новой версии софта, а на неделе уже сдавать в релиз, ну и...

– В голове твоей баги! – «Вот тут я с тобой согласен, ма, только ты сама и есть один из моих ба-хов». – Ни матери позвонить, ни жену завести, ни детей...

– Я работаю над этим, – прошептал он, ощущая, как покидают его последние силы: мать вытягивала из него энергию, словно пылесосом. *Вы-са-сы-ва-ла-се-со-ки*, образно *ха-ва-ря*. – Доброй ночи, мам. Я пойду... Завтра созвонимся, ладно?

– Да уж только попробуй не позвонить (*па-за-нить*)!.. Давай, топай до хаты. Понятно?

– Да, мам. Хорошо, мам.

– Ну, тогда... – Она замолчала, и Костя прямо-таки увидел, как, переводя дух, мамаша прикладывается к банке с джин-тоником. Когда Елена Николаевна продолжила, голос у нее дрогнул и приобрел плаксивые интонации: – Спокойной ночи тебе, сыночек. Утречком брякну тебе. Ты там, это... Не обижайся на старуху-то, ладно?.. Мамка дура, но любит тебя.

– Я тоже тебя люблю, – соврал Пургин и поспешно убрал телефон.

Ему хотелось прикрыть глаза и отключился на минутку-другую самому. Перезагрузить голову. Ночная мгла остудит кипящие мозги. Может, даже удастся вновь настроиться, поймать ту романтическую волну, что несла его раньше, до встречи с одной тварью и телефонного разговора с другой.

Он глубоко вздохнул. Смутное, горьковатое воспоминание: воздух его детства. Тот воздух был свежее и с поздней весны до первых осенних ливней наполнял дом. Мать еще не похоронила отца, еще не стала жить с чужим пришлым дядькой, чтобы затем похоронить и того. Не спивалась за закрытыми ставнями, потому что вообще не пила. А он, маленький Костик, ночи напролет, бывало, воевал в своей спальне с жадными до крови комарами...

С визгливым ревом мимо промчалась компания байкеров, расстреляв из пробитых выхлопных труб Костины сонные видения. В свете фонарей мотоциклетные шлемы матово блестели, как хитиновый панцирь, а рулевые рукоятки напоминали тараканьи усы.

«В этом городе полно насекомых, – подумал Пургин, провожая взглядом мотоциклистов. – В этом мире, в этой стране...»

И у каж-на-хо сва-и ба-хи в ха-ла-ве.

Краем глаза заметил какое-то движение на тротуаре. Оглянулся – и обомлел.

С десяток черных тараканов окружили влажное, подсыхающее пятно посреди асфальта. Тонкие ножки и усики беспрестанно шевелились. Как, наверное, двигались и челюсти, слишком мелкие, чтобы их можно было увидеть на таком расстоянии.

Тараканы жрали то, что осталось от их сородича.

Еще парочка каннибалов выглянула из овсяницы и метнулась к месту пирушки. А от основной массы вдруг отлип один («Новый вожак?.. – пронеслось в голове у Кости. – У тараканов вообще есть свои вожаки?..») и, проворно перебирая всеми шестью ножками, устремился в его сторону. За смельчаком побежали второй, третий... Он не стал смотреть, насколько длинную цепочку образуют насекомые, прежде чем достигнут конца тротуара. Прежде чем доберутся *до него*. Не думая о том, как вообще могло его, взрослого мужчину, напугать *странное* поведение *сранных* тараканов, Костя развернулся и быстрым шагом, почти бегом, пересек «зебру», чтобы исчезнуть на другой стороне дороги в тени своего подъезда.

3

За дверью его накрыло запахом вареной гречки и отдающей чем-то кислым, перебродившим, сыростью. Лампочка на потолке проигрывала неравный бой тьме по углам маленького холла. В каморке у консьержки было совсем уж темно, лишь слабо мерцал выпуклый кинескоп старенького «Рубина», бросая отсветы на столь же древнее и такое же квадратное лицо дежурной. Старуха жевала кашу и смотрела выступление мэра перед камерами. Звука у телевизора не было, поэтому казалось, что мэр тоже что-то молча жует. Заметив Костю, консьержка выудила пальцы из тарелки и поднялась с дивана.

– Здра-авствуйте!

– Добрый вечер, Азатгуль, – ответил он, отдышавшись. Перед глазами все еще стояла пугающая в своей нелепости картинка: темный ручеек хитиновых панцирей, целенаправленно, *осознанно* текущий в его сторону. Щеки вспыхнули то ли от того, что к лицу прилила отхлынувшая во время пробежки кровь, то ли от запоздалого стыда. Боже! Увидь Вика позорное бегство своего кавалера – и тот мог бы забыть про следующее свидание.

– Припозднились сегодня, – губы старой казашки растянулись в фальшивой подобострастной улыбке, такой же кривой, как и ее раскосые глаза. Над верхней губой торчало несколько темных волосков, а по нижней стекала, набухая на подбородке мутной каплей, пережеванная греча. – На двенадцатом у Петровых сегодня праздник! Вроде как день рождения у девочки ихней. Я вот думаю, это уже слишком. В такое время деткам спать давно пора, а они все шумят-гуляют, в трубу для мусора пустые бутылки бросают...

Костя понятия не имел, кто такие Петровы. Некоторых соседей, с кем пересекался в лифте, он мог бы узнать в лицо, но по фамилиям и кто где живет – не разбирал. Кроме Азатгуль и еще одного пенсионера, дяди Вити, который жил этажом выше... Семей же с детьми в доме хватало: на выходных площадка с качелями и песочницей, насколько он мог оценить, глядя из окна, была заполнена. Скакала ли там среди прочей ребятни девочка каких-то Петровых, его совершенно не волновало.

– ...вот они там пьют, едят, мусорят, а потом у нас в доме вредители заводятся, тараканы.

– Тараканы?.. – Костя невольно вздрогнул.

– Да, да! Тараканы!.. Нашар таракандар! – Старуха воодушевленно затрясла головой, с подбородка капнуло. – Гадкие тараканы. Вредные, опасные. Еду портят.

Она вытерла рот запачканной в каше ладонью, заставив его поморщиться: *Бывают люди не менее гадкие, чем «таракандары»*.

– И воду еще. Таракан любит воду, особенно такой, как эти.

– Крупные такие, черные? – Костя вспомнил раздавленную тварь: та больше смахивала на жука неизвестного вида, чем на типичного прусака.

– Да, да, точно-точно! – Консьержка закивала еще радостнее, и вареные зерна гречихи полетели в его сторону. – Лесные таракандар, дикие! Мусорщик жаловался, когда днем заезжал. Много, много таракандар!

– Так вы сами-то их не видели?

– Видала, видала, а как же! Большой таракан, зүлмат какой черный!.. Еду портить будет, по дому бегать будет, нашар таракандар!

– А что, Азатгуль... – осторожно поинтересовался Костя. – Эти таракандары... они вели себя как, нормально?

– Вели как?.. – Она посмотрела на него с удивлением. – Как тараканы...

– Может, мусорщики обратили внимание? Ничего такого, странноватого, про этих таракандар не рассказывали?

– Ничего такого... странно-ватного... А! Вспомнила! – Глаза старухи широко распахнулись. – Голодные таракандар, шибко голодные!.. Такие голодные, аж пауков едят! Мусорщик шибко удивлялся. Говорит, первый раз такое видал. Говорит – так-то наоборот, пауки тараканов жрут, а тут задом наперед вышло. Голодные таракандар, шибко голодные! Всю еду портить будут. Воду портить будут. Сами не уйдут. Но я уже СЭС звонила. Правда, они если только завтра приедут, а то и в четверг. Лето, говорят, жара. Много сигналов, говорят, времени нету.

Последние слова консьержки привели его в чувство. *Вре-мя-та, вре-мя-та ско-ха!* Завтра снова метро с утра пораньше, работа. А он, вместо того чтобы распластаться по кровати, на полном серьезе слушает старческие бредни о страшно голодных тарасиках. Трясется от одной мысли про таракашек, что ползают ночами по улочкам Митино.

– Пойду я, пожалуй. До свиданья, Азатгуль. – Он поспешил на площадку у лифтов.

– Это Петровы все! И Виктор Палыч!.. Мусорят! Из-за них вредитель завелся!.. – доносилось ему вслед.

– Да-да, я понял, Азатгуль! – отмахнулся Костя. – Таракандары атакуют!

4

В квартире было темно и душно. Хозяева денег на кондиционер пожалели, а окна Костя не открывал. Еще подростком привык держать ставни закрытыми, чтобы не получить от матери *на-ха-няй*. В детстве, впрочем, комарам окна не были помехой, а однажды Костик обнаружил у себя в спальне огромного сверчка. Здесь, в Митино, подобных проблем он уже не испытывал – как-никак седьмой этаж. Но привычка осталась. Костя вывалил ключи и телефон на тумбочку в прихожей, скинул обувь, одежду. Прошел в одних трусах в уборную, помочился. Душ успел принять у Вики, так что просто сполоснул руки над раковиной и смыл пот с лица. На кухне перелил остатки воды из фильтра в кружку, одним махом осушил и заново наполнил приемник. Соорудив тощий сэндвич из белого хлеба и ломтика ветчины, отправился в спальню, где и поужинал в темноте, сидя на краю кровати.

Хос-спа-ди, весь-ва-ца! – квакнула где-то в подворотне сознания мать.

Мусора, мусора много будет, плохие таракандар! – вторила ей Азатгуль.

– Идите в жопу, – сказал Костя им обоим, а заодно и всем прочим своим внутренним таракандарам. Быстро дожеввал бутерброд и улегся.

Наверху глухо громынуло.

Надеюсь, это табурет свалился на бок, когда Виктор Палыч повис в петле.

Дядя Витя имел дурную привычку, выпив, засыпать в ванной с открытым краном. И даже не думал оплачивать ремонт. Вот уж кто настоящий вредитель, не зря от него и консьержка воет. Впрочем, эта от всех воет... Костя был уверен, что и ему от нее тоже достается. «Тридцать два уже, а ни жены, ни детей, *а си-ме и па-ду-мать не-ха-да...*»

Почему старики всегда мешают жить молодым? Новое поколение должно мягко сменять старое, как после выхода новой операционной системы уходят в прошлое предыдущие. Жаль, что их – Азатгуль, дядю Витю, мать и им подобных – нельзя стереть с винчестера планеты Земля.

Жаль, что их нельзя раздавить, как тараканов.

Жара и влага пропитали комнату. Простыня липла к коже. Спасаясь от духоты, он повернулся на спину, спихнув ногой одеяло. Все равно было душно. Температура?.. Могло продуть, пока шел еще разгоряченный от Вики. Костя помнил, что градусник лежит на верхней полке в боковой секции шкафа, подле кровати. Рядом с баночкой шипучих «Упса» и другими таблетками. Но, может, дело не в температуре? Может, он просто переутомился, не выспался, да и нервы ведь не железные.

Костя попробовал отвлечься, вспомнить сегодняшнее свидание, Вику. Ее ласки... У него с первого раза толком ничего не вышло – слишком долго вся его половая жизнь сводилась к мимолетным передергиваниям шкурки под одеялом. Так что девушке пришлось помогать. Сейчас ее помощь ему тоже не помешала бы, но перед глазами вместо блондинки с маленьким, упруго выпирающим под юбкой задом внезапно нарисовалась мать, непотребно пьяная и голая.

Свесив меж целлюлитных бедер многочисленные жировые складки, Елена Николаевна Пургина гниющей дохлой медузой растеклась на столике перед кроватью. Открывала и захлопывала гигантскую пасть, и изо рта с протяжным шелестом — *ссскырссссск* – выскакивала, как из принтера, бумага. Потом мать сыто рыгнула и превратилась в Азатгуль, лицо которой снежило помехами, как кинескоп старого «Рубина». Пару секунд спустя помехи исчезли, на экране, то есть прямо на лице казашки, возник Виктор Палыч, в классических трениках и майке дающий интервью для «ТВ-3». Дядя Витя жевал гречку и рассказывал что-то про санитарно-эпидемиологическую ситуацию в Митино. И мял в мозолистой ладони бумагу – ту самую, которой блевала мать.

Косте было что сказать дяде Вите о соблюдении чистоты и порядка в их доме. Он хотел попросить – нет, потребовать! – чтобы тот больше не оставлял открытым кран, потому что в прошлый раз на обоях проступили темные сырые пятна, которые затем, засохнув, вздулись уродливыми пузырями. От этой сырости, а еще от жары, хотел сказать Костя, в доме могут завестись *большие черные таракандары*. Зулмат какие голодные. Еще он был готов умолять, пасть перед столиком на колени и молить, молить со слезами на глазах, только бы дядя Витя прекратил мять и царапать бумагу, потому что тихое шелестящее *скырск-скырск* сводило с ума.

Или нет, ничего в руках у соседа не было. На самом деле бывший слесарь выполз из телевизора и, проникнув в спальню к Косте, вскарабкался на шкаф. С трудом пропихнул свое грузное тело в узкую нишу под потолком и сосредоточенно скреб отставшие от стены обои.

Скырск, скырск. Скырск, скырск, скырск. Пауза... Скырск-скырск, дядя Витя, смешно дрыгая пятками, заполз в угол и, *скырск-скырск-скрылся* из вида.

Надо его найти, *скырск-скырск*. Хотя он, *скырск*, может, *скырск*, и подождать, *скырск-скырск-скырск*.

Костя не хотел слушать эти мерзкие звуки. И видеть мерзкого дядю Витю тоже не хотел. Это, в конце концов, *его* сон, а не чей-то еще. Стоило подумать об этом, как назойливый сосед исчез. Последним, кого Костя увидел во сне, был его отец. Не отчим, родной. Верный напарник по играм и рыбалке, старший товарищ во всем, что касалось компьютерных прикамбасов. Именно отец подарил Костику его первую игровую приставку, «Денди», а до нее древний БК, понимающий компьютерный язык «бейсик». Теперь отец лежал в сосновом гробу, покрытый саваном, как будто запорошенный снегом по плечи, и держал в сложенных на груди руках простое деревянное распятие. За изголовьем гроба стояла крышка – словно долговязый солдат в коричневой шинели, лениво прислонясь к стене, ждал приказа вступить в бой. Комната, в которой маленький Костик угадал сени родной хаты, источала холод и мрак. Сладко пахло подгнившим сеном и плесенью.

Но это же сон. Разве сны пахнут?..

Отец медленно повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

«Поди-ка сюда, сынка», – сказал отец, и его густые черные усы зашевелились
как тараканы

...Маленький Костик робко шагнул вперед. В нем боролись два чувства: желание обнять папу и страх, что тот схватит его за плечи своими большими руками и затащит в гроб.

«Поцелуй батю в щечку», – тень пала на бледное худое лицо, глаза папы стали черными
как тараканы

...Костик приподнялся на цыпочках, чтобы прижать губы к сухой и холодной папиной щеке. Отцовские усы неприятно кольнули кожу: «Сынка, *скырск-скырск*».

Тут Костя вспомнил, что отец уже давно мертв, и что сам он сейчас находится за многие километры от дома, в съемной квартире в Митино. Он сейчас спит...

И У НЕГО ПО ЛИЦУ ПОЛЗЕТ ТАРАКАН.

5

Вскрикнув, Костя вскочил с кровати и метнулся к стене. Хлопнул ладонью по выключателю. Электрический скальпель полоснул зрачки, перед глазами замельтешили черные точки. Косте на миг почудилось, будто это десятки, сотни тараканов разбегаются по углам комнаты. Он ощущал прикосновения мерзких щетинистых лапок повсюду: на животе, груди, шее, щеках. И ему все еще было щекотно.

Некоторое время он тер и отряхивал свое голое тело, пока не почувствовал шевеление (*скырск*) в волосах на черепе. А когда запустил туда пятерню, что-то, что копошилось (*скырск-скырск*) там, больно ужалило, впилося в натянутую тонкую кожу между указательным и большим пальцами. Заорав, Костя отшвырнул насекомое в сторону шкафа. Издав щелчок, с каким трескается сухая ветка, оно ударило по гладкой зеркальной поверхности и свалилось на пол.

Эта тварь хотела залезть тебе в рот.

Костя посмотрел на свое отражение. Белки глаз покраснели.

Она могла попасть тебе НА ЯЗЫК.

Открыл рот.

Ты мог ее ПРОГЛОТИТЬ.

Во рту было пусто.

ОНА УКУСИЛА ТЕБЯ!

Взглянул на руку и увидел на тыльной стороне ладони алую каплю. Невероятно! Его ни разу в жизни не кусали тараканы, и он никогда даже не слышал о таком, чтобы тараканы вообще кого-либо кусали *до крови*. Но жгучая боль, распространяющаяся по кисти вокруг укуса, прямо сейчас, в этот самый момент, опровергала весь его предыдущий жизненный опыт, связанный с мерзопакостными насекомыми.

«Рану стоит обработать», – подумал он.

Черт с ней! Дело ведь совсем в другом, не так ли?

Внутренний голос не унимался.

Если ты не найдешь таракана, то уже не сможешь сегодня уснуть. Возможно, никогда уже больше не сможешь нормально спать, зная, что, стоит прикрыть веки, мерзкая гадина вылезет из своего укрытия и заберется – теперь уж ТОЧНО заберется! – тебе в рот, ноздрю или ушную раковину. И будет ползать там, скребя твои внутренности щетинистыми лапками, трясь лоснящимися бочками, щекоча отвратительными усиками...

СЫНКА, СКЫРСК-СКЫРСК!

По спине побежали мурашки.

Костя осмотрелся. Насекомое куда-то уползло, скрылось, а ему, он знал, было жизненно важно, просто необходимо отыскать и уничтожить эту тварь. Тем более в комнате могли найтись и другие, ведь тараканы редко ползают поодиночке. Сваленное на пол одеяло цеплялось за кровать, как утопающий за борт спасательной шлюпки. Так же остатки здравого смысла Кости цеплялись сейчас за детали обстановки, чтобы окончательно не потерять связь с реальностью. Шкаф, столик, компьютер, занавеска, кровать...

Одеяло упало, издав тихий шорох: *ссскырссск...*

Костя побросал сверху подушки. Сорвал простыню, с почти благоговейным трепетом ожидая обнаружить под ней ощетинившуюся усиками и ножками мразь. Или с десятков-другой ей подобных.

На голом матрасе желтели пятна – засохшие следы долгих холостяцких ночей, чуть более заметные, чем стертые мозоли на внутренней стороне его правой ладони. Свальявшиеся шерстяные катышки неизвестного происхождения. Несколько хлебных крошек, мумифицированный мушиный трупик... Никаких таракандаров. Вообще никакой поганой живности. Костя

приподнял матрац, но и под ним не нашел ничего, что могло бы перебирать лапками и скрестись о ткань, издавая мерзкие звуки.

Сынка, скурск-скурск.

Он застыл, недоуменно озираясь. Что это? Показалось?.. У него начались эти, как их, слуховые галлюцинации? Может, он уж в конец рехнулся? Вот Вика-то обрадуется!.. Способен ли тараканий укус повредить мозги?..

Скурск? – в этом было что-то издевательско-вопросительное. Словно то, что издавало эти шорохи, вежливо пыталось уточнить, все ли верно Костя расслышал с первого раза.

«Откуда? Шкаф?..»

Скурск-скурск-скурск! – из сваленного на пол белья. В складках под тонкой тканью копошилось что-то темное. Он босой ступней отбросил угол простыни в сторону и увидел то, от чего полупереваренный сэндвич моментально взлетел по пищеводу к самому горлу и Костю едва не вырвало прямо на пол.

Их было двое. Один, огромный, настоящий гигант, раз в пять крупнее обычного рыжего таракашки, оседлал другого, меньших размеров – видимо, самку. В желтом свете комнатной лампы тельца тварей матово лоснились. Щетина на лапках большого таракана напоминала зазубрины на лезвии тупого столового ножа. Передними конечностями самец обхватил и удерживал свою подругу, а задними упирался, скользил, скурск-скурск, по ткани, приподнимаясь над партнершей. Усики обоих активно шевелились, а сами тараканы замерли в нечестивой пародии на двух слившихся в любовном экстазе людей.

Голос в голове у Кости зашелся истерикой:

Это ты, ТЫ, говенная деревня, их сюда притащил! Э-та та-ра-ка-ихи из ба-ихи твоей ма-ма-ихи, кубаноид!

Ну, нет! Костя подавил подкравшийся к горлу смешок. Какой бы сволочью ни была мать, в ее пропитой голове не водилось гигантских, способных укусить человека до крови насекомых. Скорее уж эта парочка выглядела как плоды больной фантазии какого-нибудь Джима Гавнорски.

ТЫ МОГ ЭТО СЪЕСТЬ! – завизжал маленький Костик у него внутри.

И он стал топтать простыню.

6

Под пяткой влажно хрустело, *скыр-рск*, и жидкость, похожая на гной, заляпала светлое белье. Костю едва не вырвало от нового приступа тошноты. Зарывав, он поднял ногу и снова ударил, и так повторял раз за разом, буквально вбивая белье в ламинат.

Эта!

Погань!

Ползла!

У тебя!

По лицу!

«И лучше не думать о том, что так могло продолжаться дни, *скыр-рск*, недели, *скыр-рск*, и даже месяцы, *скыр-рск*, *скыр-рск*, *скыр-рск*, ночь за ночью, правда?..»

ТЫ!

МОГ!

ЭТО!!

СЪЕСТЬ!!!

В какой-то момент Костя обессилел и остановился. Внизу, на простыне расплывалось пятно желтовато-коричневой слизи, похожее на лопнувший перезревший прыщ. Мелкие частички хитина и раздробленных конечностей плавали в гадкой луже. Оттопанная стопа болела, руку в месте укуса жгло, а по телу разливалась холодная равнодушная пустота. Казалось, если прислушаться, то можно уловить, как слабый ветер гуляет в тоннелях кишок.

Молодцом, сынка! Одолеп супостата!

А-та-мстил за па-па-чиху!

Костя, то ли мысленно, то ли вслух, сам не понял, велел замолкнуть обоим родителям, и мертвому, и живой. Потому что единственный уцелевший тараканий усик вздрогнул. Из-под кашицы, в которую превратилось туловище крупного насекомого, высунула крохотную головку чудом уцелевшая самка. Зазубренный кончик ножки нащупал опору, лапка переломилась в сочленении. Тараканиха медленно поволокла вперед лопнувшее брюхо, оставляя след из внутренностей.

э-та та-ра-ка-ихи из ба-ихи тва-ей ма-ма-ихи

«Живучая, сука».

Он кинулся на кухню. Дрожащими пальцами нащупал выключатель, щелкнул тумблером – и чуть не заорал, увидев, как по керамограниту разбегаются несколько тараканов помельче. Одного Костя успел припечатать ножкой попавшегося под руку стула.

«ДА КОГДА ВЫ ТОЛЬКО УСПЕЛИ НАБИТЬСЯ КО МНЕ В КВАРТИРУ?!»

Спокойно, селянин. У тебя ведь есть план? Вот и следуй ему. И не паникуй, деревенская блевотина! Попытайся хоть раз в своей никчемной жизни что-нибудь сделать правильно. И лучше с первой попытки, а не как с Викой.

Давай, сынка! У тебя все получится!

Ма-ма-чиха лю-би-т ти-бя...

– Заткнитесь все на хер! – рявкнул Костя. Метнулся к ящику кухонного стола. Взгляд почти сразу напоролся на то, что ему сейчас было нужнее всего на свете.

Старый тяжелый молоток, доставшийся от хозяев. С деревянной, темной от времени рукояткой и мощной ударной головкой из закаленной углеродистой стали. С таким на медведя ходить, не то что на тараканов.

Костя схватил инструмент и тут же с криком выронил его обратно в ящик. Почувствовал резкую боль в подушечке мизинца, точно под ноготь вонзилась раскаленная игла. Когда он затряс рукой в воздухе, то увидел, что в кожу вцепился еще один таракан.

– *Хос-спа-ади-и!* – выдохнул Костя, не заметив, как вернулся к нему ненавистный кубанский акцент.

Отодрал от себя насекомое. Тварь изворачивалась у него в пальцах – он готов был поклясться, что слышит, как злобно шелкают микроскопические челюсти. Торчащие из брюшка конечности отчаянно елозили по воздуху. Живот таракана имел удивительный розоватый оттенок, и Костя с отвращением подумал, что это, должно быть, виднеется его кровь.

Борясь с тошнотой, он бросил ублюдка на стол, лапками кверху и, прежде чем тот сумел перевернуться, с размаху опустил на него молоток. От удара у старого стола чуть ножки не повылетали, а от таракана в буквальном смысле осталось лишь мокрое место.

Костя потряс молотком в воздухе, торжествуя.

Повоюем, сынка!

– Так точно, бать!

Босиком, в одних трусах, зато с молотком – этим молотом тараканьих ведьм – в кровотокащей руке, Костя прошел обратно в спальню, распахнул дверь и замер.

Сначала он подумал, что, выходя, по привычке выключил свет.

Потом поднял взгляд наверх, к лампе. Молоток глухо стукнул о ламинат, выпав из в миг потерявших чувствительность пальцев.

7

Потолок шевелился. Он был черен от покрывавших его толстым слоем тараканов. Они наползали друг на друга, толкались и падали на пол, на сваленное возле кровати белье, на матрац. Как черный снег. Как ретроверсия картинки из «Матрицы», где вместо зеленых цифр кода вниз по экрану сыпались черные крошки. Словно огромный трехмерный «Тетрис» в черно-белом варианте.

В этом было даже что-то величественное.

Костя успел заметить, что начало бурлящему океану тьмы давал угол за шкафом. Кусок обоев отстал там от стены, обнажив глубокую кривую трещину, из которой расширяющейся кверху воронкой ползли все новые и новые насекомые. Их здесь теперь были, наверное, уже тысячи, десятки тысяч. Грозди и россыпи тараканов облепили стены. На черном от тараканов столике покачивалась распахнутая крышка ноутбука, тоже черная из-за ползающих по ней тварей. Белая занавеска на лоджии выглядела так, словно какой-то бродяга рисовал на ней граффити черной краской из аэрозольного баллончика – только этот рисунок был живой, дышал и копошился.

Скырскскырскскырскскырскскырск – услышал Костя.

А потом с потолка на лицо ему скакнул таракан.

– А! – вскрикнул Костя, когда таракан укусил его в лоб. Другое насекомое спикировало на шею. Третье упало в волосы на макушке.

Отмахиваясь от гадов, он попятился в прихожую. Ушибленной пяткой задел валявшийся на полу молоток, потерял равновесие и с новым криком опрокинулся на спину. Затылком больно стукнулся об пол, от удара голова подскочила на долю секунды, а потом по инерции ударилась снова. Повторный удар был слабее, но отозвался в голове Кости многократным раскатистым эхом – смутно знакомым, как в детстве, на Кубани, когда отец водил его в пещеру на горе со смешным названием Индюк. Воспоминание всплыло из тьмы на секунду, когда Костя потерял сознание. Затем он приподнял гудящую голову и увидел, что лежит у входа в такую же пещеру. С высокого свода лились черные струи.

скырскскырскскырскскырскскырскскырскскырск

Жалящая боль пронзила ноги сразу в нескольких местах, на ступнях и щиколотках: первые тараканы уже успели облепить их, а некоторые забрались даже дальше, приближаясь по голым худым бедрам к области паха. Костя почувствовал, как сжимаются в комок яички. Он шарахнулся спиной назад, усиленно работая ногами и руками, чтобы сбросить с себя насекомых. Черная шуршащая волна неторопливо накатывала из спальни, готовая накрыть его с головой. Он заставил себя подняться, не обращая внимания на боль в голове и ногах. Захлопнул дверь. Несколько тараканов зажалось в щели внизу, гнойные брызги запачкали выкрашенный белой краской косяк.

«Хозяева будут ругаться», – подумал Костя.

Потом он подумал, что ему совершенно насрать, что скажут квартиросдатчики – он здесь все равно больше жить не станет. Ни за что. Никогда.

Скырскскырскскырск, тараканы протискивались в щель под дверью.

Скырскскырскскырскскырскскырск — раздалось у него за спиной. Кухня! Он обернулся.

Их там было пока не так много, как в комнате, но орда прибывала на глазах. Они ползали по ножкам и крышке стола, по стульям, карабкались по стене холодильника, десятками выбегали из приоткрытой уборной. Костя увидел, как накренилась и рухнула вниз фильтрационная установка, услышал треск раскалывающейся пластмассы. Вода разлилась по полу, и это отвлекло тараканов, дав ему время прийти в себя.

«Влага. Им нужна влага».

Твари сгрудились над лужей неким подобием конуса или пирамиды. Шуршащая гора дрожала, как проснувшийся, готовый вот-вот извергнуться вулкан, и быстро прибавляла в высоте. Очень скоро от воды не останется ничего, понял Костя.

И тогда они обратят внимание на другой источник жидкости. *На него.*

«Плохие таракандары. Злые, голодные, жаждущие человеческой крови таракандары».

Костя почувствовал острое желание опорожнить мочевой пузырь и стиснул зубы, а потом, в кулаке, и мошонку. По ногам у него текла кровь, и обе руки тоже были в бурых пятнах. Он поднял молоток с пола, попутно размазав по рукояти небольшого таракана. На глаза попала дверь в комнату и щель, в которую продолжали лезть новые твари. Пол рядом был покрыт мелкими крупичками белой краски и древесной щепой. Отверстие становилось шире, потому что – приходилось верить собственным глазам, хотя разум отчаянно протестовал, – тараканы прогрызали дерево. Еще минута, и он окажется зажат в тисках, окруженный со всех сторон.

Тараканы не пожирают людей. Не могут вести себя настолько разумно и вместе с тем дико. Удел тараканов – подъедать крохи со стола и лакомиться падалью из мусорного бачка. Разве не так?

С другой стороны, разве не думал он прежде о самом себе, своих соседях и даже об их детях как о падали? Так ли уж странно, что жизнь, по обыкновению, воплотила в реальность худшие из его представлений?.. Та трещина за обоями выглядела такой глубокой, словно начало брала в самом сердце Ада. А сколько таких разломов могло быть во всем доме? Большое, высоченное жилое здание, целых двадцать два этажа отборной столичной падали. Настоящий пир для изголодавшейся орды.

Что ж, ничтожество, хотя бы сейчас ты начал ощущать себя москвичом...

СКЫРСКСКИЙРСКСКИЙРСК

...а теперь беги. Беги, пока не поздно, обмудок!

Костя потянулся к тумбочке за ключами и схватил их, не глядя, вместе с телефоном. Застрявший в волосах таракан укусил его за мочку уха. Костя воткнул в него ключ. Еще один укус обжег большой палец ноги. Шорох тысяч насекомых стал громче и возвысился до подобного водопаду рокота, когда дверь спальни треснула и разошлась посередине под напором тараканьего цунами. В прихожую хлынула черная шуршащая хитином масса.

Костя отбежал к входной двери и обрушил позади себя тумбочку, чтобы выиграть еще несколько секунд драгоценного времени.

Тебе всегда не хватало времени, деревенщина. Ни на сон, ни на отдых... Ни на жизнь.

Трясущимися, скользкими от крови пальцами провернул круглую фалевую ручку, как никогда радуясь тому, что, будучи дома, замыкал дверь лишь на один поворот, а не полностью, на два с половиной. Лишние мгновения, дарующие надежду.

СКЫРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСК

Не оглядываясь – он знал, что черная волна уже накрыла тумбочку и перехлестывает через нее, – Костя дернул дверь, поспешно скользнул в узкий проем, ободрав бок о металлическую лутку, и, перехватив ручку замка уже с внешней стороны, всем весом потянул на себя. Сталь лязгнула о сталь, а спустя секунду до его слуха донесся множественный дробный стук – будто сотня озорников устроила соревнование по стрельбе горохом из трубок, используя в качестве мишени дверь его квартиры.

Пусть ломятся сколько угодно, сталь им не по зубам. По крайней мере, ему хотелось на это надеяться. Костя запер замок и оставил ключ в скважине, закупоривая металлом последнее отверстие.

Теперь оставалось самое простое: понять, что делать дальше.

8

Стучать в квартиры соседей, звать на помощь?

Ну да, гений, ты хоть представляешь, какой у тебя сейчас видок?

Из одежды на Косте остались только трусы, в которых он ложился спать. Руки и ноги продолжали кровоточить, раны жгло, как будто по коже ласково провели паяльной лампой. Мелкая деталь, дополняющая портрет обезумевшего провинциала – молоток, испачканный какой-то пакостью.

И телефон.

Он мог позвонить. В скорую помощь, пожарным, копам – кому угодно, кто приедет и разберется со всем этим безумием.

«Ага. Давай, звякни и расскажи им, что отборные тараканы войска только что совершили вторжение на суверенную территорию твоей съемной квартиры. Посмотрим, как скоро после этого ты попадешь в желтый дом на Волоколамке».

СЭС. Надо звонить в СЭС, тараканы – это по их части. Азатгуль звонила – вспомнил Костя. Она знает номер. А он знает ее, еще несколько часов назад они разговаривали о вредителях-таракандарах.

Правда, старуха вряд ли сильно обрадуется, увидев соседа в одних трусах.

«А с чего ты взял, умник, что лишь С ТОБОЙ этой ночью что-то случилось?»

Только тут Костя сообразил, что, помимо непрекращающегося дробного стука с той стороны двери, слышит и другие звуки. Много звуков. Они наполняли дом, сливаясь в единую приглушенную какофонию, будто музыканты огромного оркестра, готовясь у себя в яме к концерту, настраивали инструменты. Костя различил некоторые из них: партия плачущего ребенка, литавры бьющегося стекла, разноголосые духовые женских и мужских криков.

На негнущихся ногах он вышел из коридора на площадку к лифтам. Из-за створок в шахте доносились могучие удары. Бух. Бух. Будто какой-то шутник с чувством юмора, как у идиота с Волоколамки, запер в лифте разъяренного носорога.

Он вспомнил про лестницу. Дверь к ступенькам – обычная деревяшка с мутным куском стекла – располагалась напротив мусоропровода, сразу за лифтовой площадкой. Костя прошел туда, оставляя на грязной плитке алые отпечатки. В шахте бухнуло особенно гулко, и что-то заскрежетало. Свет на площадке моргнул. Костя поднял голову – по плафону светильника с внутренней стороны сновали многоногие тени.

Когда он приблизился к выходу, ржавый короб с отчетливым лязгом распахнулся, и из недр мусоропровода хлынули тараканы. Труба выблевывала их толчками, потому что желающих выбраться наружу через узкий проход было слишком много. Костя успел выскочить на лестничную клетку и захлопнул за собой дверь прежде, чем первая волна врзалась в нее с другой стороны. Он зафиксировал дверную ручку в поднятом положении и устался в ужасе на стекло, через которое, впрочем, все равно ничего нельзя было разглядеть.

– Думаешь, это их надолго удержит?

От неожиданности он подпрыгнул на месте, и мочевой пузырь непроизвольно расслабился. Костя слишком долго терпел и теперь с отстраненным удивлением осознал, что испытывает жгучий стыд оттого, что обмочился. Хотя в сложившейся ситуации расстраиваться из-за таких мелочей казалось глупо.

– Смотрю, кто-то вполне способен залить свою халупу и без моей помощи, – хмыкнул дядя Витя. Он стоял на площадке выше, на полпути с восьмого на седьмой этаж. Шлепанцы на босу ногу, тренировочные штаны с полоской, от века не водившая знакомства со стиральной машинкой майка – все как всегда. Когда Виктор Палыч сошел по ступенькам, Костя разглядел, что руки у него испачканы красным, а небритая физиономия как будто напудрена.

– Хреновый из вас клоун, Виктор Палыч, – выдавил Костя. Он стоял перед соседом в одних трусах, по ногам у него текло, но ему хотелось хихикнуть.

– Ян Арлазоров мой ученик, – сказал дядя Витя без улыбки. – Скушай Машеньку.

– Чего?

– Мел жри, говорю, зассанец. – Дядя Витя протянул пакет, в котором и правда лежало несколько кусочков белого мела. На пакете была наклеена этикетка с надписью «Машенька» и рисунком, изображающим дрыгающихся, как в танце, рыжих тараканов. – Я тридцать лет слесарил, всякой живности повидал по подвалам. А до того на кораблях плавал, там у нас и похуже твари водились. Борной кислоты в нужных для зачистки объемах в здании нет, «Раптор» у меня кончился, а ты, ссыкло, как видно, решил прогуляться налегке. Остается «Машенька», без вариантов. Отравы не моментального действия, но хоть какая-то да защита.

Костя безропотно сунул руку, запачкав край пакета кровью, и вытащил кусок мела.

– Жри.

– Есть-то зачем?

– А чтоб я знал, что к тебе в башку прусак не заселился, – сказал дядя Витя так, словно это все объясняло.

– Но ведь это же яд. Мне плохо не станет?

– Куда уж хуже-то? – Глаза старика серебрились безумием, но в его словах была доля правды. Костя провел мелком себе по лбу и щекам, начертил белый смазанный крест на груди и положил оставшийся шарик на язык, под нёбо. На вкус «Машенька» оказалась горькой – каким, наверное, и должен быть мел.

– Вот и правильно, без вариантов, – удовлетворенно кивнул дядя Витя. Сделал шаг в сторону, чтобы не наступить в желтую лужицу, растекающуюся под ногами у Кости, заодно придавил шлепанцем пробравшегося в щель под дверью таракана. – А теперь валим отсюда. Если ты, конечно, уже закончил орошать поляну. Как по мне, здесь сколько ни удобряй – один хрен ничего не вырастет.

Они стали спускаться. Первым шел дядя Витя – не торопясь, осторожно, осматриваясь по сторонам и внимательно слушая малейший шорох. Прежде чем перейти на следующий лестничный пролет, он высовывал голову сверху за перила и просматривал предстоящий отрезок пути. Воняло кошачьей мочой, но Костя и сам пах изрядно. На пятом этаже им встретилась кучка засохшего собачьего дерьма, а на стене в переходе чьей-то, судя по высоте надписи, детской рукой было выведено «КТО МЫ – МЯСО!» и буква «С» в криво намалеванном ромбике. Костя мрачно подумал о неожиданно пророческом смысле этого послания.

– Блаттоптероз, – изрек дядя Витя во время очередной краткосрочной остановки. – Так это врачи называют. Вред, который могут причинить людям тараканы. В основном дерматиты всякие, ну и прочие гадости.

Возможно, он просто заскучал, а может, считал, что делится крайне важной информацией. Косте было все равно. Его раны горели адским пламенем и сочились кровью, голова раскалывалась. К тому же он начал мерзнуть. Но рядом с дядей Витей чувствовал себя определенно лучше, чем прежде. Спокойный, деловитый голос бывшего слесаря согревал получше любого калорифера. И Костя радовался звукам этого голоса, заставившим умолкнуть его проклятых внутренних тараканов.

– Вообще, лучшую в мире защиту от тараканов дала нам сама природа. И дело тут не в нас, не в наших размерах, – продолжал дядя Витя. – Размеры тут больше в минус. На флоте – а я по Тихому три года бороздил, чтоб ты знал, – был у нас случай. Одному матросику мелюзга такая прям в ухо заползла, пока тот спал. Залезть-то гнида залезла, а развернуться и обратно выползти – не может. И задницей наперед ползать – не умеет, без вариантов. Копошилась так, что аж кровь у бедолаги из уха течь начала. Ох и намучился парнишка! Хорошо, что медик

толковый оказался. Ну, тогда других на флоте и не держали, без вариантов. Это тебе не по подъездам ссать, хех.

– Вытащил?

– Вытащил, само собой. Матросика, правда, все равно на сушу списали. Отказало то ухо у него. Перепонку, что ль, таракашка повредил. Хрен знает...

– ...без вариантов, – закончил Костя. Ему хотелось быть полезным: – У меня телефон есть, мобильник. Может, в милицию позвонить?

– В полицию, – поправил дядя Витя. – Это можно. Только выйдем вот – и звони. А лучше военным. Но это когда выберемся отсюда. В данный момент нам от них пользы мало.

– Тогда... тогда я девушке своей позвоню. – Костя дрожащими пальцами набрал номер Вики, но мерцающий экран сообщил, что абонент недоступен. Оставалось надеяться, что она просто легла спать, выключив мобилу. Что бедствие коснулось только их дома, а не охватило весь район... или того хуже – весь город.

– Давайте хоть посвечу. – Костя включил фонарик в настройках смартфона и направил свет на ступеньки.

– Другое дело, – ухмыльнулся дядя Витя и выхватил мобильник. – А я-то думал, ты только ссаться умеешь, салага!

Они продолжили спуск, но теперь двигались быстрее. Дядя Витя светил телефоном перед собой, а Костя ковылял следом. Происходящее отдавало бредом: десять минут назад он спасся бегством от полчищ плотоядных насекомых, полчаса назад спокойно дремал в кровати и видел сны. Не очень хорошие (*сынка, скурск-скурск*), но сны. И вот опять будто погрузился в кошмар. В этом видении вредный, пьющий сосед все больше напоминал ему покойного отца – человека, на которого всегда и во всем можно было положиться, пока тот не умер. И даже привычное хамство бывшего слесаря Костю уже не раздражало, а казалось чем-то совершенно нормальным. Так, должно быть, в армии старшина по-отечески, не со зла матюгает новобранцев, чтоб знали свое место. Место Кости было позади командира, а командовал сейчас Виктор Палыч.

Они спустились в холл первого этажа. Здесь царила ночь. Во тьме слабо мерцала зеленым лишь кнопка вызова у одного из лифтов. Грохот в шахте прекратился, в тишине чудилось гудение натянутых в стальном воздухе стальных тросов. Костя не хотел думать, что могло по ним карабкаться, вызывая вибрацию.

Дядя Витя поднял руку с телефоном. Подсветки хватало, чтобы развеять мрак метра на три, не больше.

– Не нравится мне это, – сказал дядя Витя. – Как затишье перед бурей. Двигаем помаленьку... Не торопиться. Не шуметь. Аккуратненько.

От выхода на улицу их отделяло, по прикидкам Кости, шагов тридцать. Несколько ступеней, широкий коридор, комнатка дежурной по подъезду.

– Азатгуль, – вспомнил он.

– Черт! И правда. Спит, наверное, чурка нерусская... – Дядя Витя опустил телефон, раздумывая. Потом посветил Косте в лицо: – Значит, так. Стоишь тут. Ждешь меня. Я зайду к старухе, проверю. Очень, очень надеюсь, что она не заорет с перепугу, когда я ее будить начну. Но вот тебе... для твоего собственного здоровья, ссыкун, будет лучше оповестить меня, если заметишь, что эти гады сюда лезут. Без вариантов. Понятно выражаюсь?

Костя кивнул, дрожа всем телом и уже не только от холода. Дядя Витя окинул его взглядом и усмехнулся.

– Не ссы, ссыкун. Не из такого дерьма выплывали...

Костя очень хотел ему верить. Однако вера его пошатнулась, когда дядя Витя отобрал у него молоток.

– На всякий случай. А случаи бывают разные...

И он остался во тьме один, голый и безоружный, пока бывший слесарь осторожно шел вперед.

Дядя Витя двигался медленно, производя минимум шума. Фигуру его окружало смутное марево, исходящее от телефона, и со стороны выглядело, как будто он плывет в световом шаре через океан темноты. Когда старик спустился к каморке консьержа, света стало совсем мало, и Костя, не выдержав, сделал несколько робких шагов вслед за соседом. Подоспел как раз, чтобы увидеть, как дядя Витя нащупывает во мгле ручку двери от комнаты дежурного, поворачивает и открывает.

– Эй, курва старая. Конец света проспала, – хриплым шепотом позвал дядя Витя и снова поднял телефон. Свет упал на диван и фигуру, укрытую с головой черным шерстяным одеялом.

Вернее, Косте показалось, что это было одеяло.

Скырскырксырксырксырксырксырксырксырксырк – зашипела Азатгуль, поднимаясь. Покрывало схлынуло к ее ногам, оказавшись сотканным не из шерсти, а из тысяч тараканов. Словно сама тьма ожила и обрушилась лавиной на пол каморки, а оттуда – прямо к дяде Вите. Слесарь, шатаясь, попятился, не отрывая глаз от внезапно вознесшейся перед ним в полный рост старухи. Азатгуль стояла на диване, а у дяди Вити ноги подогнулись в коленях. Сам он начал невольно опрокидываться назад, отчего рука с телефоном задралась еще выше. В прозрачном, отдающем синевой свете Костя, как и сосед, увидел лицо старой казашки, на котором не осталось живого места, где совсем не было кожи, и которое при этом жило, потому что в мясе щек и пустых глазницах копошились тараканы личинки.

– Царица Мать Небесная... – отвисла челюсть у дяди Вити.

В кровавом месиве, когда-то бывшем толстыми губами, тоже раскрылась дыра. Азатгуль тяжело подняла руку, сплюшь покрытую насекомыми, и, указав на бывшего слесаря, произнесла (никогда еще ее русский не звучал так странно):

– ЖРИТЕ.

Дядя Витя заорал, поскользнулся в своих шлепанцах, упал, но тут же вскочил снова, швырнул в Азатгуль пакет с мелкими и, продолжая вопить, побежал назад, к Косте.

– Не туда... – пискнул Костя, но было уже поздно.

Скырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскск – за спиной дяди Вити черная река выплеснулась в подъезд и в один момент достигла противоположной стены, отделив Костю и его напарника от двери на улицу.

– Назад!!! – Дядя Витя споткнулся и едва снова не рухнул, но устоял на ногах, хоть и потерял на ступеньках второй шлепанец. Отбросил ошоломленного от ужаса Костю с дороги и пинком распахнул дверь на лестницу.

С К Ы Р С К С Ы Р С К С Ы Р С К С Ы Р С К С Ы Р С К С Ы Р С К С Ы Р С К С Ы Р С К

Проход был забит тараканами. Они сбегали по стенам, текли ручьями по ступеням, покрывали перила – и вся эта масса двигалась вниз и вперед. Самые быстрые уже достигли лестничной площадки и перебежали через порог, минуя сослепу ноги дяди Вити либо с ходу впиваясь в босые ступни.

Костя, медленно сползая по стене, видел всю картину. Он услышал глухие детские рыдания и подумал: «Это я. Это мой собственный плач». Мысль несколько его не испугала. Он уже не испытывал страха, не чувствовал боли и отчаяния. В нарастающем, сливающимся в монотонный гул звуке сотен тысяч тараканьих ножек ему слышался знакомый мотив. Костя никак не мог вспомнить, где слышал эту песню без слов, но, превращаясь в нее, безостановочное *скырскскырскскырскскырск* уже не было так страшно, даже напротив: обещало ласку, тепло и покой. Возможно, дядя Витя тоже уловил нечто подобное, потому что замер на месте и опустил руки.

Створки лифта в полутора метрах от Кости разъехались в стороны. За ними в водопаде мутно-желтого света стоял кукольный светловолосый ангел в белом платье и ревел навзрыд.

– Лифт! – закричал Костя еще до того, как успел понять, что это плач девочки слышал минуту назад, а не собственные рыдания.

Тараканы уже добрались до его многострадальных пяток, но он не обратил на новые укусы внимания и даже не заметил, как, снова вставая на ноги, расплющил несколько тварей. Дядя Витя также пришел в себя. Одновременно они ломанулись в кабину, едва не расшибив друг другу лбы в проеме. Более массивный, тяжелый слесарь выиграл короткую схватку и проскочил внутрь первым. Бесцеремонно отпихнув девочку-ангела к дальней стенке, сам прижался к боковой, изо всех сил колошматя смартфоном по кнопкам этажей. Костя едва успел нырнуть следом, как двери закрылись, и лифт начал подниматься.

9

Несколько секунд все трое молча вжимались в стенки кабины, каждый в свою. Дядя Витя тяжело и часто дышал, просунув ладонь под майку с левой стороны, где у него обнаружилась расплывшаяся по дряблой бледной коже синяя татуировка в виде большого, обвитого цепью якоря. Костя изучал эту находку, пытаясь вспомнить, были ли какие-нибудь тату на груди у его покойного отца. У Вики была – маленький паучок в области поясницы. Эх, он бы все отдал за то, чтобы остаться вчера у нее на ночь... Косте казалось, что он парит в невесомости. Даже девочка прекратила плакать и, широко распахнув огромные голубые глазищи, поочередно смотрела то на одного взрослого, то на другого.

Потом дядя Витя отлип от стены и надавил большим пальцем кнопку в нижней части лифтовой панели. Ощущение невесомости исчезло – кабина прекратила движение.

– Черта с два я отсюда выйду.

– Виктор Палыч, телефон проверьте, – сказал Костя. – Может, теперь все-таки есть смысл позвонить в полицию?

– Умный больно, да? – сказал дядя Витя. – Не фурычит. Связи нет, видишь?

Костя кивнул, забирая бесполезный теперь мобильник. В этом здании столько бетона, а его сотовый оператор никогда не отличался надежностью. К тому же, смартфон пострадал: пластмассовый корпус в нескольких местах треснул.

– Что это было там, внизу? Ты *видел*? – Дядя Витя продолжал растирать себе грудь, лицо у него стало еще белее и уже не только из-за мелового грима. – Эта сука, Азатгуль, она показала на меня! А ты, – он, наконец, обратил внимание на их спасительницу, – чьих будешь? Как звать?

– Я девочка Маша Петрова, у меня болит вот здесь. – Она потрогала пальчиком висок, задев при этом завитой нежно-золотистый локон.

Костя только сейчас заметил на голове у девочки ободок с пушистыми розовыми заячьими ушками. Наверное, родители любили называть ее «зайчиком».

– Мама, папа твои где? – продолжал допрос дядя Витя.

– Не знаю, – пожала плечами Маша. – Где-то... там.

Потом заплаканное личико вдруг просияло, и она, вытянув перед собой обе руки, сообщила:

– Мне шесть лет. Нет, уже семь! – Оттопырила еще один пальчик. – У меня день рождения!

– Господи. Надеюсь, папаша тебе не тараканью ферму подарил...

– Виктор Палыч, – отвлек его Костя, – инструмент верните.

– Что? А, черт, забирай. – Дядя Витя выудил молоток из-за пояса и невесело улыбнулся: – Веришь, нет... забыл внизу про него совсем, когда началось. С другой стороны, ты вспомни ту тварюгу! Какой от него прок против всей этой хрени, а?

– Без вариантов, – согласился Костя, сжимая деревянную рукоятку. Сунуть молоток было некуда, не в трусы же пихать. Слесарь говорил верно, против таких тараканов бесполезно любое оружие, кроме, разве что, огнеметов. Но, по странному стечению обстоятельств, никто из присутствующих на этом маленьком собрании жильцов пиротехнику не прихватил.

– Там игрушки есть? – Маша смотрела на его телефон.

– Посмотри сама, я не знаю. – Костя протянул ей мобильник. – Считай это, ну, типа подарком на день рождения.

– Спасибо.

– Виктор Палыч... Надо выбираться отсюда, Виктор Палыч.

– Ты глухой?... Или тупой? Черта с два я отсюда выйду!

– Кабина не герметична. Шахта лифта тоже. Рано или поздно они до нас доберутся.

– Кто-то придет на помощь.

– Кто? Мы никого не встретили, кроме девчонки. Тараканы сожрали ее родителей, сожрали Азатгуль... Во всем здании живых остались только мы трое. И у нас нет связи с внешним миром. Делайте что угодно, выстукивайте SOS азбукой Морзе по стенкам – никто нас не спасет! – Костя прервался и услышал в паузе шорох. В углу кабины в семечковой коже копошился таракан. – Смотрите! Они уже здесь.

– Ну и что? Их здесь мало. А по одному, – слесарь сделал шаг и превратил семечки в труху вместе с тараканом, – по одному мы как-нибудь с ними справимся.

– Это пока они не проели дыру побольше, – сказал Костя. – Или несколько дыр. Они это могут. Я видел, как они проедают дерево. И потом, Виктор Палыч, сколько мы здесь высидеть сможем – день, два?.. Что будем пить? Есть что будем? Тараканов? Мы же сами тут, как жуки в коробке...

– Ничего, продержимся!

– Да? А сколько ты выдержишься без лекарств, дядя Витя? У тебя ж с сердцем плохо!

– Не твоя забота, сучонок. Сперва ссать в унитаз научись, прежде чем диагнозы ставить.

– Ой, тут птички есть! – Маша нашла в телефоне Angry Birds.

Костя снова взглянул на дядю Витю:

– Виктор Палыч, вы же говорили что-то про лучшую защиту от тараканов...

– Намастрячился сикать НЗВОЗ, гений?

– Нет, – терпеливо сказал Костя. – Я про другую защиту. Про ту, которую нам дала природа. Вы же говорили о птицах, верно? Птицы клюют тараканов.

– Какая разница, о чем я говорил? Если ты гадишь, как голубь, это не значит...

– Да ЗАТКНИСЬ ты хоть на минуту! Просто послушай. – На плечо упал таракан, и Костя, не отвлекаясь, раздавил его в ладони. – Мы могли бы подняться в лифте на верхний этаж. А оттуда выйти на крышу. Крыша – это не дерево и пластмасса, дядя Витя. Это бетон. Туда им пробраться будет сложнее. Там мы сможем звонить куда угодно, кричать сверху, звать на помощь. И главное. Там будут *птицы*. Много птиц.

– Птички нам помогут! – Девочка все это время слушала Костю с открытым ртом.

– *Природа* нам поможет, Виктор Палыч!

Старик задумался. Сейчас он выглядел действительно как глубокий старик, а не молодящийся недавний пенсионер. На глубоких залысинах проступили бисеринки пота, щеки посерели и будто втянулись в череп. Костя вдруг понял, что щетина на подбородке дяди Вити не окрашена мелом – она была белая, потому что была седая. И серые зрачки его не серебрились, как казалось прежде, а помутнели от возрастной катаракты.

– Все это имеет смысл, только если ход на крышу открыт, – наконец выдавил он из себя.

– Даже если там заперто, – Костя поднял молоток, – у нас есть чем сбить запоры.

Вместо ответа дядя Витя молча повернулся к панели и до упора утопил внутрь кнопку с числом «22». Кабина едва ощутимо вздрогнула и снова начала подниматься. Сквозь стены был слышен шорох тросов... и, возможно, чего-то еще.

– Как будем действовать, дядя Витя? – спросил Костя, когда на панели мигнула кнопка «12». По телу пробежала дрожь, но рукоятка молотка горячила ладонь. Адреналин наполнял жилы расплавленным свинцом.

– Быстро, четко, слаженно. – Старый моряк воспрял духом, словно приняв колыхание спертого воздуха в кабине за бриз. На панели зажглась и потухла цифра «14». – Выходим и сразу к люку на крышу, он должен быть рядом. Первый идешь ты, как молодой и здоровый. Плюс у тебя молоток, а он может понадобиться, когда дело дойдет до замков.

– А я иду?..

– Ты, девочка Маша, идешь сразу за Константином. Не идешь, а бежишь со всех ног, чтоб только пятки сверкали, без вариантов. Я – прикрою вас сзади.

«16».

– Годный план, Виктор Палыч.

«17».

– Будешь драпать на крышу – не обоссись ненароком, скалолаз. Не горю желанием принимать душ из твоей мочи.

«19».

На цифре «20» лифт вновь тряхнуло, уже серьезней. Подъем прекратился. Костя и дядя Витя уставились один на другого.

– Какого черта? – спросил Костя.

– Откуда мне знать? Я не лифтер, я слесарь! – крикнул Виктор Палыч, давя на все кнопки подряд.

– Не ругайтесь, – сказала Маша. – Ругаться плохо.

– *Скырскскырскскырскскырск*, – сказал потолок.

10

Свет в кабине моргнул. Все трое задрали головы и увидели тени под колпаком светильника. Много теней, и у каждой – по шесть маленьких ножек. Косте стало трудно дышать, словно в горле застрял замороженный чизбургер из «Биллы». «Господи, да мы сами тут как бургер для тараканов», – подумал он, ощущая панику, растущую по мере того, как света в кабине становилось все меньше, а теней под полупрозрачным пластиком лампы (скырск-скырск-скырск) все больше. Ожили голоса в голове:

Ну вот, лимита, аккурат перед смертью ты узнал, что страдаешь клаустрофобией. Она, знаешь ли, быстро развивается у всякого провинциального говна вроде тебя, особенно если застрять в окружении тараканов-людоедов.

– Они лезут сюда, – сказал дядя Витя.

И теперь весь ваш блистательный план спасения будет сожран вместе с вами.

– Что делать будем?

– Можно вызвать лифтера, – криво усмехнулся дядя Витя. – Но что-то мне подсказывает, что толку от этого будет ноль целых, хрен десятых.

– Дай-ка сюда. – Костя забрал у Маши телефон, потряс им в воздухе, проверил число делений. Потом попробовал набрать номер службы спасения, но, услышав начало фразы «абонент временно недоступен», вернул мобильник девочке. – Связи все еще нет.

Под ногами раздался тихий шлепок. На потолке в углу появилось небольшое отверстие, куда один за другим начали проползать тараканы. Дыра расширялась прямо на глазах, и через секунду в нее пролезало уже по два, по три насекомых одновременно.

– Надо валить. – Губы у дяди Вити стали того же серого цвета, что и грязная майка. – Слышь, Костя, надо сваливать отсюда.

– Мы же не доехали...

– Мы на двадцатом! Два гребаных перехода на два гребаных этажа – и будем на месте!

– Если там, – кивнул Костя на двери, – нас не ждет толпа гребаных тараканов.

– Там неизвестно, а здесь их скоро будет полная коробочка!

Что-то царапнуло по бедру с левой стороны, и Костя едва не ударил молотком, не глядя, но в последний момент понял, что это Маша коснулась его рукой.

– Дядечки, не ругайтесь. – В глазах у девочки стояли слезы. – Давайте лучше уйдем отсюда, давайте сбежим от таракашек.

По нижнему краю белого платица карабкалось насекомое. Дядя Витя нагнулся, раздавил таракана меж пальцев, сунул обе руки под мышки Маше и, крикнув от натуги, поднял ее.

– Давай, Константин, – сказал он хрипло. – Открой нам. Мы, пожалуй, тут выйдем.

– Ладно. – Костя повернулся к дверям и, уцепившись ногтями за край, попробовал отодвинуть створку. Та отъехала на пару миллиметров, затем пальцы соскользнули, Костя чуть не упал, а двери вновь сомкнулись.

– Твою мать! – взвизгнул он. – Не получается!

– Молоток, – подсказал дядя Витя.

Свет погас. В кабине стало совсем темно. Костя слышал беспрестанное скырск-скырск-скырск и шлепки – звук, с которым насекомые падали, одно за другим, на пол. Кожу на левой щиколотке обожгло укусом. Коротко вскрикнула Маша. Костя лег спиной на одну стену лифта, уперся ногой в противоположную и, как можно дальше просунув узкий конец молотка в разъем между створок, изо всех сил потянул на себя. Он весь взмок от усилий, но сумел проделать щель шириной с ладонь, куда попало немного света снаружи, а дядя Витя тут же сунул в отверстие ногу.

– Давай, Костя, тяни! Молодой еще, справишься!

Костя сменил позицию, пропихнул в зазор плечо и начал давить, раздвигая створки. Тараканы уже ползали по волосам, кусали шею.

скырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырск

– Давайте, дядечки! – плакал белокурый ангел, прячась на руках у дяди Вити.

– Давай, ты сможешь, – подбадривал бывший слесарь. – Я тебя в ученики возьму, если сможешь. Бросишь свои интернеты, станешь мастер – золотые руки!

Что-то в дверях громко лязгнуло, и они вдруг открылись полностью. Путь был свободен.

– Понятия не имел, что вы знаете, где я работаю, – слабо улыбнулся Костя, потирая спину.

– Да я и не знал, – пожал плечами дядя Витя. – Так, ляпнул, что в голову первое пришло.

Вперед!

На площадке двадцатого этажа – лифт застрял почти вровень с полом – моргала лампа, но света хватало, чтобы увидеть облепивших пол, стены и потолок насекомых: они чернели, будто следы от пуль, и выглядело это как в каком-нибудь дурацком кино про гангстеров, точно все вокруг изрешетили автоматным огнем. Отчетливо воняло помойкой. Когда люди выбрались из кабины, «пулевые отверстия» ожили, издавая все тот же омерзительный скребущийся звук. Осторожничать, как на первом этаже, некогда, сообразил Костя. И побежал, отмахиваясь молотком от падающих сверху тараканов, напрямик к двери на лестницу.

– С ноги ее! – крикнул, с трудом поспевая за ним, дядя Витя.

Костя пнул дверь, та с грохотом ударилась о стену. Но даже звон бьющегося стекла не смог заглушить многоголосый шорох преследующих их тварей.

Костя побежал прямо по хитиновым тельцам, перескакивая через две-три ступени за раз, слыша хруст лопающихся под ногами панцирей и чувствуя укусы, десятки укусов – тараканы атаковали со всех сторон. Позади шумно дышал дядя Витя и что-то пищала Маша.

СКЫРСКСКЫРСКСКЫРСКСКЫРСКСКЫРСКСКЫРСКСКЫРСКСКЫРСК

На двадцать первом этаже Костя, поворачивая на следующий, последний лестничный пролет, не прерывая движения, бросил беглый взгляд в узкий проем между стоек перил. С нижних этажей поднималась, стремительно нагоняя беглецов, сама тьма. Черный поток рвался вверх с мощью и скоростью нефтяного фонтана, бьющего из свежей скважины.

– *Поспешай, сынка, поспешай,* – прохрипел Виктор Палыч голосом его мертвого отца. Костик обернулся и увидел, что дядя Витя и сам уже почти мертв – лицо старика стало синего цвета, жилы на висках и шее вздулись, потемнели. Но он все еще шел, из последних сил передвигая ноги и удерживая на руках ребенка.

– Дай ее мне. – Костя перехватил у него Машу свободной рукой и побежал дальше.

До последней лестничной площадки оставалось шагов двадцать, когда позади раздался, перекрывая оглушительное шебуршание, тяжелый глухой стон.

– Дядечка! – закричала Маша. Костя повернул корпус, стараясь продолжить движение по лестнице и одновременно сделать так, чтобы девочка не видела происходящее у него за спиной.

И увидел сам.

Дядя Витя упал на колени, широко раскрыв рот в немом, полном муки и отчаяния крике. В серебристо-серых стариковских глазах плескались океаны боли. Скрюченными пальцами он разорвал на груди майку. Татуировок на теле дяди Вити стало больше, гораздо больше, чем прежде. Только они были не синие, они были черные и шевелились. Из-под них ручьями бежала кровь. Волна тараканов – цунами высотой по меньшей мере в метр – нахлынула сзади, на мгновение вознеся бывшего слесаря на самый гребень, а через миг поднялась сама и обрушилась на дядю Витю сверху, накрыв лицо старика дрожащей от голода массой.

Это задержит их, сообразил Костя.

Спасайся, зассонец! – прокричал у него в голове то ли отец, то ли дядя Витя, он уже не мог разобрать.

Но двигаться Костя все еще был способен. Хотя по ляжкам ползли, вгрызаясь под кожу, пытаясь задержать, остановить, десятки насекомых, и мышцы ныли сильнее, чем обжигали укусы чертовых тварей. Он пробежал несколько оставшихся метров подъема с Машей на руках – и очутился на площадке перед простой вертикальной лестницей из двух плоских металлических стоек с перекладинами из арматуры. Меж них болтались нитки паутины – на крышу через этот ход никто не проникал годами. Верхний конец лесенки упирался в квадратный люк.

Тот был небрежно покрашен дешевой зеленой краской. С дальнего края свисала плоская, слегка погнутая скоба, через которую, соединяя ее с такой же скобой, торчащей из потолка, была продета дужка навесного замка. Замок, как и сам люк, выглядел дряхлым, но солидным.

– Слезай. – Костя не без труда оторвал от себя руки девочки и спихнул ее на пол. Маша ревела навзрыд, но ее плач практически заглушал шелестящий рокот приближающейся снизу волны насекомых. Дядя Витя своей смертью задержал орду на некоторое время, но ненадолго – их, прожорливых тварей, было слишком много, чтобы одного трупа хватило на всех.

Костя поднял руку с молотком. Теперь старый добрый молот тараканьих ведм уже не казался таким уж надежным орудием. Деревянная рукоятка треснула – видимо, когда он давил, пытаясь открыть двери лифта. Тяжелая ударная головка сидела неплотно. Кто из ветеранов выйдет победителем в финальной битве – старый молоток или не менее старый замок?

И хватит ли у меня времени, чтобы узнать?..

Костя посмотрел на лестницу – поток тараканов уже захлестнул предпоследний пролет, пока еще жиденькими ручейками, но вслед угрожающе поднималось то самое цунами, что полминуты назад погребло под собой дядю Витю.

– Дядечка Костя, ну!

Он поправил боек, крепче насаживая головку молотка на рукоять. Бросил взгляд на висячий замок, прикидывая, насколько сильно могло подгнуть гнущее колечко металлического крепления...

Коротко замахнулся и ударил молотком Машу в висок.

Скушай Машеньку, – голос дяди Вити у него в голове. Внутренние тараканы вернулись. – *Скушай Машеньку, ха-ха-ха.*

Отчетливо хрустнуло. Голова девчонки от удара мотнулась вбок, и дужка с розовым заячьим ушком отлетела в сторону. Длинные светлые ресницы пару раз изумленно хлопнули, голубые глаза закатились, выставив напоказ блестящие белки.

«Все равно ей не светило стать звездой „Плейбоя“, – подумал Костя. И, подхватив обмякшее тело на руки, скинул его на ступени вниз. В ладони Маша все еще сжимала телефон, его подарок.

Это их задержит.

По щекам обильно лилась соленая вода, но он уже ни о чем, кроме люка на крышу, не думал. Взобрался по лесенке к замку, повис там, уцепившись согнутой в локте левой рукой за верхнюю перекладину, и ударил. С первого раза промахнулся мимо скобы, скользкая от крови головка молотка лишь зацепила замок по касательной. Дужка была слишком толстая, чтобы сломать ее с одного удара.

СКЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСК

Они наступали. Костя не мог и не хотел смотреть вниз, себе под ноги. Сосредоточился на замке и удерживающей его скобе. Прицелился. Ударил. Слишком слабо – скоба только еще больше погнулась, но – он увидел, что с одного края металл словно надорвался, самую малость, на миллиметр отстав от крышки люка. Первые тараканы уже бежали по металлическим ползьям лесенки.

СКЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСКСЫРСК

Они поднимались по стенам и лезли на потолок, Костя видел их краем глаза, когда размахивался, чтобы нанести еще один удар. Он спешил и на этот раз вообще махнул мимо, едва не

выронив молоток из мокрой от крови и пота руки. Укусы тварей отвлекали, заставляли думать о боли в ногах, в паху, на животе. Пот и слезы застилали глаза.

СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

Он заставил себя успокоиться. Отрешился от боли и всех прочих посторонних, ненужных чувств. Чуть подпрыгнул, увереннее опираясь на арматуру. Провел по лицу рукой с молотком, стирая влагу.

*СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК
СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК
СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК*

Примерился как следует, зная, что это последний шанс, и ударил – сильно и точно. Головка молотка от удара соскочила с рукоятки. Замок не слетел, но повис на почти целиком оторвавшейся от люка скобе. Костя толкнул сам люк – и скоба вместе с навесным замком, звякнув напоследок, упала в ковер из насекомых, запленивших площадку. Костя нащупал ногой следующую перекладину и поднялся выше, изо всех сил надавив головой и плечом на крышку. Та поддавалась с трудом, нехотя, шелуха старой зеленой краски, осыпаясь, попадала в глаза, липла к коже. Костя взвыл, напрягая мышцы.

*СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК
СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК
СКЫРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК*

Крышка поднялась. Костя, бросив бесполезную деревяшку, подпрыгнул и, зацепившись локтями за край проема, обдирая кожу до кровавых ссадин, протиснулся через приоткрывшуюся щель в запыленное помещение с низким потолком. Крышка люка под ним грохнула, вставая на прежнее место. Снизу все еще доносился приглушенный шорох.

11

Через узкий пыльный проход он выполз на холодный, остывший за ночь гудрон, покрывавший плоскую крышу высотки. С трудом поднялся на ноги и, шатаясь, сделал несколько шагов мимо скелетов старых, забытых телевизионных антенн. Костя ступал босыми ногами прямо по засохшим кляксам птичьего помета, но ни одного голубя вокруг не видел. Где же они? Где эти чертовы птахи, где, мать ее, Природа?!

Когда он подошел к краю крыши и взглянул оттуда на город, ему все стало понятно.

Соседняя многоэтажка горела. Клубы черного дыма валили с верхних этажей, в дырах на месте разбитых окон металась языки пламени. Издалека доносились крики и звуки сирен. Следующее по улице здание тоже окутывал дым, столбы его поднимались вверх, языческими кострищами наполняя светлеющее перед рассветом в Митино июньское небо.

Тараканы ползли по стенам спального района, и все птицы летали там, ниже крыш, либо высоко-высоко, напуганные пожарами.

Костя скорее почувствовал, чем услышал лязг люка позади себя. Твари рвались наружу. Возможно, там, под землей, откуда они явились, эти странные тараканы тысячелетиями мечтали выбраться на поверхность. Как, быть может, уже однажды выбирались, когда исчезли динозавры. А после, с наступлением холодов, надолго ушли обратно, чтобы вернуться сегодня, сейчас, в эту ночь, и окончательно утвердить свое законное владычество. Построить на планете новую мировую империю, шелестящее государство *скырск-скырск*.

Страну Тараканов.

...Утренний воздух пах дымом, но оставался свеж, как в его далеком забытом детстве. Где-то за огненным заревом и чадом в своей высотке прямо сейчас погибала Вика. Миллионы гибли по всей столице. Старое поколение москвичей, коренных и приезжих, пожирала новые жители. Прежний мир со всеми его мелкими недостатками и мелочными проблемами уступал новому, совершенному и по-своему прекрасному порядку. «Чертовски замечательному порядку», – как могла бы сказать мертвая, сожранная тараканами заживо Вика.

– Что ж ты молчишь? – спросил Костя внутренний голос. – Почему не смеешься над глупой провинцией? Давай, расскажи мне про деревенское дерьмо, бултыхающееся по московским сортирам...

Но голос молчал. Все его голоса молчали – и мамин, и папин, и дяди Вити, и девочки Маши, и казашки Азатгуль, и отчима, которого он почти не знал, и всех остальных, с кем Костя когда-либо был знаком по работе, с кем водил дружбу, кого любил и кого презирал.

Теперь Костя слышал только их. И потому, как шорох медленно заполнял все вокруг, он догадывался, что тараканы уже здесь, на крыше. Костя мог позволить себе сейчас лишь одну роскошь: не оглядываться. Вместо этого он взобрался на бетонный бордюр, встал на край и посмотрел оттуда вниз. Детская площадка перед домом пустовала, качели и песочница казались крохотными, будто собранными из деталек конструктора.

скырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырск

Все еще не оглядываясь назад, он прыгнул.

12

Падение было непродолжительным, предшествовавший ему подъем с первого этажа наверх занял гораздо больше времени. Но в конце Пургину немного не повезло: внизу росли березы, и он задел одну из них, сломав дереву ветку, а себе руку. Это притормозило полет, и, хотя от удара о землю остальные кости его тела превратились в труху, позвоночник раскрошился, ребра проткнули в нескольких местах легкие, пузырь желудка лопнул, а череп треснул у основания, Костя, уже приземлившись, еще несколько долгих мучительных минут оставался в живых.

Этого времени ему хватило, чтобы увидеть, как медленной, неровной походкой приближаются со стороны подъезда они: дядя Витя, Азатгуль и другие. С объединенными лицами, с тараканами, снующими в дырах глазниц. Глаза Кости заливала кровь и еще что-то серое, возможно, его собственные мозги, но он смог различить, как шевелится, словно живая, кожа на руках и ногах его бывших соседей.

Таракандары любят влагу и боятся света, вспомнил он.

Что ж. Значит, теперь тысячи тараканов обрели новые, уютные, полные вкусной влаги, защищенные от солнца оболочки. И вышли встретить рассвет.

Среди бывших жильцов к нему брела Маша. Из проломленного виска выползали и тут же заползали обратно тараканы. В руке она сжимала Костин телефон. И телефон звонил. Может быть, Вика? Может, она каким-то чудом все же спаслась?..

Я никогда не поменяю зеленый цвет...

– Мамачха, мама, как же я тбя люблю, – выкашлял Костя с кровью.

Внутри мертвой Маши скреблись тараканы. В каждом из трупов шебуршали, заставляя двигаться. Теперь Костя узнал этот звук – ровный, монотонный, дарующий покой. Песня без слов, знакомая с детства песня... колыбельная.

Прежние соседи окружили переломанное тело Кости Пургина. Вперед выступила Маша. Подняла руку и указала на труп:

– *ЖРИТЕ.*

Из ее рта хлынули насекомые.

Мост

Старый мост по-прежнему висел над пересохшим руслом реки. Ржавые балки угрюмо выглядывали из-за чахлой растительности на берегах, и слабый солнечный свет безнадежно тонул в глубоких тенях между ними. Перекрестия стальных ферм напоминали глазки мертвецов из детского комикса. У моста было много таких глаз.

– Чертов старик, – пробормотал Савельев. – Тебя уже давно пора разобрать и захоронить по кускам на свалках.

«Я еще всех вас переживу», – отвечал мост безмолвно.

Несколько жирных черных ворон одна за другой сорвались с насиженных мест и начали рисовать уродливые кружева в вечернем небе. Словно кто-то, укрывшись в железобетонных сочленениях, подал сигнал, громко хлопнув в ладоши.

«С возвращением», – прокаркал мост голосами воронья.

– И тебе привет, дохлая развалина, – усмехнулся Савельев и стал подниматься по насыпи. В голове, как вороны над мостом, кружились обрывки воспоминаний.

Ее так и не нашли, ни тогда, ни после. Вот странно. Бывший сосед, с которым он, прогуливаясь возле старого дома, случайно встретился пару дней назад, рассказал Савельеву, что ее тело так и не нашли. Волосы у дяди Коли поредели и стали белыми, но в остальном он ничуть не изменился. Ничего здесь не менялось. Время в этих краях застыло, не иначе: двадцать лет прошло, а проклятый мост все так же скалит железные зубы всем, кому только попадается на глаза... и труп до сих пор не нашли.

Савельев взобрался по осыпающемуся щебню и встал на разбитых шпалах, чтобы отряхнуть брюки. Увидел носки своих черных туфель, которые пыль окрасила в цвет плешивой шевелюры постаревшего дяди Коли. Потянулся было в задний карман за платком, но махнул рукой: бесполезно. Шпалы, рельсы, камни и сорняк меж ними – заброшенная железнодорожная ветка вся была серая и тусклая. От земли поднимался запах древности, пыль залетала в нос и глаза. Савельев поднял взгляд.

Мост теперь был прямо перед ним, в паре сотен шагов по шпалам. Покатые полосы боковых перекрытий уходили с двух сторон в небо, где их соединяла толстая стальная перекладина. В образуемую арку тянулась железная дорога, дальний конец тоннеля тонул в сизом тумане. По правую руку из насыпи торчал почерневший остов сторожевой будки.

Родители запрещали детям гулять в этих местах. В те времена, раз в неделю или раз в месяц, дорога еще оживала, и по ней мог днем или ночью пройти, гремя вагонами, грузовой состав. Савельев помнил рассказы матери, которыми та пыталась удержать их с сестрой подальше от железной дороги и моста.

Один мальчик не слушался родителей и полез на мост, там он случайно коснулся электрического кабеля, и его убило. Одна девочка скакала по шпалам и слишком поздно заметила, когда рядом оказался поезд; девочка испугалась, споткнулась, и ей отрезало ноги. Ирка все эти страшные байки слушала раскрыв рот, с широко распахнутыми глазами. А Паша Савельев к тому времени уже был большой, и подобные истории не производили на него впечатления. Даже если – он допускал – в них и была доля правды. Подумаешь, какой-то дурак хватанул десять тыщ вольт. Надо ж думать, куда руки суешь.

Мальчишки часто бывали и на самом мосту, и рядом. Курили папиросы, разводили по вечерам костры в сторожке, малевали сажей на стенах пошлые слова и картинки. И в итоге сожгли будку.

Щебень хрустел, плевал мелкой крошкой из-под ног, пока Савельев неторопливо приближался к арке и закопченному скелету справа от нее. В груди зацвела теплая сладость – тень

детского восторга при виде высоких языков пламени на фоне черного неба и тающих среди звезд оранжевых искр. Господи, он и забыл, как ему нравилось смотреть на огонь!..

Арка моста становилась все ближе, конструкции ее росли на глазах. Уже можно различить полустертые трафаретные надписи «Опасно» и «Вход запрещен». Даже пацаном Савельев этих, тогда еще оранжевых, а теперь уже выцветших бледно-желтых букв не боялся. Другое дело Ирка. Когда Паша первый раз ее сюда завел, она прочитала каждое слово вслух, по слогам, и, нахмурившись, сказала брату: «Сюда низя! Низя же!»

«Можно, ведь ты со мной».

Савельев невольно глянул вниз, на правую руку. Воспоминание оказалось настолько ярким, что он на мгновение ощутил в ладони тепло ее потных от страха пальчиков.

В тот, первый раз Ирка боялась нарушить запрет матери. Предупреждающие надписи нагоняли на нее ужас, она трепетала перед большим старым железнодорожным мостом и стискивала руку старшего брата изо всех своих детских силенок.

«Ничего не бойся, глупая. Там интересно... Там живет тролль», – сказал он тогда. Ирка поверила и заулыбалась.

На миг он увидел фигурку в коротком белом платье с цветочками, облако светлых кудряшек... В глазах зашипало.

Торчащий из насыпи черный зуб спаленной сторожки медленно, как во сне, проплыл мимо. На его округлой верхушке дремала, спрятав голову под крыло, крупная ворона. Туман клубился посреди распахнувшегося впереди коридора. Савельев шагнул внутрь, и ржавая металлическая сетка, прибитая поверх шпал, скрипнула, упруго прогибаясь под тяжестью его тела.

«Добро пожаловать домой», – прошелестел мост. В шепоте ветра улавливалась угроза. И холодная насмешка.

Ирку так и не нашли. За двадцать лет – как такое возможно? Маленькая девочка в белом платье до сих пор прячется где-то тут вместе с громадным старым троллем, сказка про которого ей так нравилась.

Паша больше верил в запах гари и языки алого пламени, пожирающие дерево в ночи, чем в сказочки про рыцарей и принцесс. А вот сестренка любила слушать рассказы о драконах, царевичах и умных животных, разговаривающих, как люди. Про косматого тролля, обитающего под мостом, Паша сочинил, чтобы порадовать ее. Вернее, не сочинил, а вспомнил историю из книги о викингах, которую брал в школьной библиотеке. «Переложил на новый лад», как сказали бы теперь коллеги Савельева. Впрочем, что эти люди, жители большого города, могли знать о сказках его родного захолустья? Ровным счетом ничего. Пропавшей два десятилетия тому назад девочке определенно было известно о троллях куда больше, чем профессорам с кафедры.

Тролля звали... Какое-то имя они для него придумали, точнее, Ирка придумала, но сейчас Савельев уже не мог вспомнить.

В свое время Пашу изрядно повеселила та твердая убежденность, с какой сестрица заявила, что у чудища обязательно должно быть имя. Ему тогда казалось, что выдуманные существа – все эти болтливые волки, крылатые эльфы, скатерти-самобранки и живые избушки на курьих ножках – вполне могут обойтись и без кличек. Фантазии они и есть фантазии, пустое место. Глупо обращаться к воздуху по имени-отчеству. Но сестренка смотрела на мир иначе. У каждой куклы в доме было свое имя – Маша-Глаша-потеряша... Дворовым псам и кошкам Ирка тоже давала клички, каждому свою, а однажды Паша услышал, как сестренка разговаривает с росшей возле дома березой. О чем-то спрашивает дерево и гладит пятнистую кору ласково, как плечо человека. Маленькая глупышка. Возможно – Паша не хотел уточнять – она спрашивала у березки, где их папа, когда он вернется домой.

Белесый туман обволок Савельева, лизнул влажным языком лицо. Кожа на шее покрылась мурашками.

«Странно, – подумал он, нащупывая взглядом конец уходящей вперед дороги. – В детстве мост казался меньше и короче, а сейчас стал большим и длинным. Разве не должно быть наоборот?..»

Как Алиса, напившаяся из волшебного пузырька, он будто бы рос обратно, вниз, становясь меньше с каждым шагом. Нет, конечно, на самом деле ничего не менялось ни в нем самом, ни вокруг. Просто косые стальные колонны обступали уже и спереди, и сзади, толстые железные трубы чертили воздух вверх и по сторонам, отчего Савельев начинал чувствовать себя зверьком, попавшим в клетку.

Громко хлопая черными крыльями в нескольких метрах впереди, расчертила стильную мглу ворона. Хриплое злое карканье разорвало тишину, и он вспомнил, как сестра называла придуманного им для нее тролля.

Хрясь. «Хияс-сь», – так она произносила это, смешно пришепetyвая, потому что всегда плохо выговаривала букву «р», а еще потому, что у нее выпадали молочные зубы, и во рту хватало прорех.

Троль Хрясь — *Хияс-сь* – обитал под мостом и был людоедом. Он ел человечину, да, и маленьких девочек тоже кушал.

Паша сообщил об этом Ирке, когда они вдвоем отдыхали на широком полукружье одной из бетонных опор, и над головами у них тянулись толстый грязный кабель и пупырчатые листы металла – дно моста. Чтоб сестра не запачкала платице, Паша усадил ее себе на колени. И рассказывал сказку про тролля.

В детских глазах застыли изумление и испуг.

«Не бойся. Я же с тобой. А еще у меня есть вот что», – перед глазами девочки блеснула, а затем со звоном полетела вниз монетка.

«Это для тролля...»

«Дья Хияс-ся?!»

«Да, для Хряся-хренася, хе-хе. Видишь, мы ему заплатили, чтобы он нас с тобой не скушал, милая».

Ирка смеялась и просила, чтобы в другой раз он дал монетку ей. Хотела сама бросить медяк в широкое полукруглое отверстие торчащей из бетона трубы, на дне которой плескалась темнота. В этой тьме ждал подарков ее любимый троль.

Двадцать лет. Тело так и не найдено. Кто-то забрал его, спрятал вместе с давешней карманной мелочью.

Сквозящий в перекрытиях ветер тихо гудел в щелях и пустотах вокруг Савельева. Сверху доносился вороний гай, приглушенный металлом громадных ферм. Ему показалось, что он слышит что-то еще – шорох и скрежет сзади... и снизу, под ногами. Будто какое-то большое животное ползет по другой стороне моста, цепляясь за крепления кривыми когтями. Он оглянулся на уже далекий, исчезающий в тумане вход. Присмотрелся – почудилось, будто справа из-за трубы мелькнуло и немедля скрылось из виду блестящее чешуйчатое кольцо, упругое и живое, как...

Как часть длинного гибкого хвоста.

Савельев замер.

Брось, не дури. Просто ветер качнул чертов кабель. Блестящий, мокрый из-за тумана кабель.

«*Хи-яс-с-сь...*» – проскрипел мост.

– Пошел в задницу, – ответил Савельев.

Надо добраться до конца моста, спуститься по металлической лесенке сбоку на вторую опору, чтобы проверить. За два десятка лет никто не додумался осмотреть это место. Никому

даже в голову не пришло искать маленькую девочку там, куда и взрослому-то человеку пробраться непросто. Паша всегда сначала сползал первый, а затем помогал сестренке.

Позади все было спокойно. Никаких посторонних шумов, змеиные хвосты нигде не сверкали. Савельев облегченно выдохнул, и облако пара растаяло в тумане у его лица.

Как же тут холодно.

Он зашагал дальше, высматривая по левую руку малозаметный спуск к опоре. Их с сестрицей тайный уголок для игр и страшных сказок.

Это местечко Паша нашел и облюбовал спустя пару месяцев после того, как они с друзьями спалили брошенную сторожку. Мальчишкам на пепелище стало неинтересно, а его тянуло. Нравилось бывать здесь одному, вечерами. Вдыхать сладкий запах паленого дерева, пока тот не выветрился. Вспоминать магический танец огненных лепестков. Все-таки, и правда, было нечто волшебное в пересохшем русле реки и старом мосту над ней, в пробивающихся среди шпал ростках ковыля и погорелых развалинах рядом. Паша возвращался сюда снова и снова, но никому о своих походах не рассказывал. Только сестренке, которая была слишком маленькая, чтобы что-то понимать про это. Впрочем, он и сам ничего не понимал. Мост словно звал его. Будто бы манил, обещая что-то смутное, таинственное, запретное. Что-то, чем Паша хотел поделиться с сестрой.

В один из дней по пути к насыпи ему на обочине попала сбитая каким-то лихачом кошка. У нее оказались переломаны задние лапы, на мордочке засохла кровь, но она еще дышала и даже тихо, еле слышно не то скулила, не то мяукала. Уже смеркалось, а мост был близко, поэтому никто не видел, как Паша отнес кошку к останкам сторожки и как он сжег ее там живьем. Потом ему стало стыдно. Он представил, как залилась бы слезами сестренка, как выговаривала бы мать, как, выглянув из мамкиной спальни, плюнул бы в сердцах дядя Коля. Паша решил спрятать обгоревший трупик, чтобы избежать всего этого. И нашел узкую лестницу, спускавшуюся с края моста на одну из опор.

«*Так ты впервые покормил тролля*», – вкрадчиво шепнул туман. Дурацкий сленг, которым пользовались студенты Савельева, сейчас почему-то не казался ему ни смешным, ни глупым.

Он удивленно моргнул, увидев очередную ворону, что расселась над узким отверстием у бокового парапета... прямо над вертикальной линией из коротких перекладин-ступенек, уходящих в эту дыру. Блестящий черный глаз внимательно следил за Савельевым. Ворона открыла клюв и издала пронзительный крик.

– Да вижу я, вижу... Спасибо, – поблагодарил он птицу, сдержав зародившийся в горле смешок.

Без истерик. Просто мерзкая каркуша на мерзкой железке мерзкого моста.

Савельев сошел с рельс и остановился у отверстия. Внизу плыл туман. Савельева трясло от холода, но на лбу все равно выступил пот. Он утер лицо рукавом и начал спускаться.

Неожиданно сизую хмарь разорвало порывом ветра, и, глянув под ноги в поисках очередной ступеньки, Савельев увидел далеко-далеко внизу темное дно реки, покрытое камнями и мусором. Голова закружилась, ослабшие пальцы предательски дрогнули на скользкой перекладине. В последний момент он успел схватить другой рукой боковую стойку, рывком подтянул тело и прижался к хлипкой, раскачивающейся решетке. Савельева мутило, и он зажмурился, чтобы мир вокруг перестал скакать в бешеном вальсе.

В темноте холод сжимал его, давил ребра. Воняло сыростью, хлопали крылья, каркали вороны. Старое ржавое железо тоскливо мяукало, как та искалеченная кошка. Скрипом и шорохом этому стону вторили трубы, балки, спайки и заклепки над головой. Снизу подвывал ветер.

«*Покорми своего тролля*», – проскрежетал мост злым, ехидным голосом. Не открывая глаз, Савельев в страхе потянулся обратно, наверх.

Что ты делаешь?

Двадцать лет. Два-дцать-лет.

Здесь ли она еще?..

Тяжело выдохнув, он замер. Рискнул посмотреть вниз еще раз и – продолжил прерванный спуск.

За многие годы ветра и ненастья как следует поработали над хлипкой лестницей, ослабили крепления так, что нижняя ее часть оказалась отогнута в сторону. Но бетонная плашка опоры все еще была рядом, достаточно протянуть ногу над бездной и сделать шаг.

– Ирка... – прохрипел через зубы Савельев, подбираясь для короткого прыжка. – Заплатила ли ты троллю свою копеечку?

В прежние времена под мостом было не так опасно. Паша приводил сюда сестру несколько раз. Он курил сигареты без фильтра, которые воровал у дяди Коли, а она играла со своими куклами или рисовала в альбоме, елозя коленками и локтями по бетону. Паша смотрел на нее неотрывно. Однажды Ирка так увлеклась рисованием, что не заметила, как платице задралось, оголив тощие детские бедра и краешек трусиков.

А Паша заметил.

«Хочешь монетку кинуть?»

«Хияс-сю?!»

«Хренасю, ага. На вот, держи... Садись-ка сюда, ко мне. Давай я тебя обниму, чтоб ты не улетела вслед за монеткой»

Верхушка опоры была широкой и плоской, по центру в ней тонули основания стальных перекрытий, образуя нижнюю часть буквы V. Толстые железные полосы тут превращались в скрещающиеся полые желоба, которые, соединяясь в трубу, утопали на два-три метра в бетон. В дыру трубы они с сестрой и кидали мелочь для тролля. В этой же темной искусственной пещере Паша хоронил убитых им кошек. И Ирку он в итоге засунул сюда же, в трубу. Двадцать лет миновало, но Савельев и сейчас отчетливо помнил, как это было.

Он достал из кармана монетку и отдал сестре. Та устроилась у него на коленях. Паша прижал хрупкое тельце к себе. Подол задрался Ирке выше пояса. Возможно, она почувствовала, как что-то упругое и горячее ткнуло сзади бедро, но, слишком увлеченная фантазиями о своем Хияссе, не обратила внимания. А потом стало слишком поздно. Потом Паша уже не мог остановиться.

После он, конечно, запаниковал. Сестра хныкала и звала несуществующего тролля. Изодранные детские трусики валялись на бетоне бесполезной грязной тряпицей. Паша видел бурые пятна на светлой ткани и понимал, что копеечкой здесь уже не откупишься. Ирка ползла к лестнице. Если бы она выбралась, дохромала до дома и рассказала матери о том, что он с ней сделал...

Паша ударил ее головой о бетон, а потом задушил. И затолкал в трубу.

Когда позже, дома, мать стала спрашивать его о сестре, он ответил, что не видел Ирку с обеда. Несколько месяцев вся округа искала девочку, но безрезультатно. Дядя Коля запил. Мать сникла, заболела и умерла на следующий год, а Пашу забрали к себе дальние родственники в большой город.

Людоедом был не тролль под мостом. Людоедом оказался он сам. Пусть подобное случилось с ним лишь однажды. Пусть после этого Паша с головой окунулся в учебу, закончил школу с серебряной медалью, поступил на филфак и, выйдя оттуда с красным дипломом, продолжил карьеру ученого. Пусть он уже дважды был женат – ему все равно нравились молоденькие студентки, и людоед внутри него облизывался, когда те проходили мимо.

С годами Савельев все чаще задавал себе вопрос, на который до сего дня не мог найти ответа.

Заплатила ли Ирка троллю свою копеечку?

Он помнил, как сбрасывал в трубу трупы убитых кошек. Их было три... четыре, если считать самую первую, обгоревшую. Помнил, как запихивал в узкое отверстие еще теплое тельце сестры. Затолкав ее туда, бросил последний взгляд в темноту. Увидел помятое платье, светлые кудри, изломанные тонкие ручки и ножки.

А кошачьих скелетов не увидел.

– Заплатила ли ты троллю свою копеечку?

Шатаясь под порывами усилившегося ветра, разгребая руками загустевший туман, Савельев подошел к железному желобу. Ухватил рукой за край, уперся в другой желоб. Старая краска шелушилась под одеревенелыми пальцами, крупинцы ее отслаивались и улетали серым пеплом.

Ирка верила в то, что Хрясь настоящий.

А кошки пропали. И тело Ирки до сих пор не нашли.

И та девчонка, про которую рассказывала мать, ее разрезало поездом на две половины, но, говорят, отыскать смогли лишь переднюю часть. И тот глупец, схвативший электрический кабель, – его руки сторели до локтей, а кистей не осталось вовсе.

Скорее всего, кошачьи останки он тогда не заметил. Не до того ведь было. А Ирку просто не нашли, так тоже бывает. И верила она всему, а особенно тому, что ей старший брат говорил.

Но что, если?..

Дрожа всем телом, Савельев опустил голову и заглянул в дыру.

Сначала ничего рассмотреть не удавалось. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и вот уже во мраке стали проступать смутные очертания: одна косточка, другая, кругляш детского черепа – похож на резиновый мячик. Кусок истлевшего белого платица, с цветочками.

«Здравствуй, сестренка», – подумал Савельев.

Сердце сжалось в груди. Глаза обожгло, и по замерзшей щеке потекла горячая капля.

– Я ведь не хотел, чтобы так вышло, Ирка, – прошептал он в дыру. – Правда, не хотел...

Прислонившись лбом к ледяному железу, Савельев закрыл глаза и разрыдался. Дал выход горечи, что копилась в его душе все эти годы. Ревел, как мальчишка, стоя на пяточке бетонной опоры, и вороны кружили над ним, потревоженные громкими, надрывными всхлипами.

Наконец он успокоился. Вспомнил о платке в заднем кармане брюк, достал, утер слезы. Запустил пальцы в другой карман и выудил оттуда круглый, серебристо поблескивающий пятак.

– Последняя плата твоему троллю, Ирка. – Монета, сверкнув, полетела в трубу, ударилась о стену с внутренней стороны и отскочила в сторону. Проследив ее короткий путь взглядом, Савельев увидел мелкие кошачьи кости, белеющие кучкой неподалеку от останков его сестры.

Что ж, так оно и должно было быть.

Фантазии остались в мире детства. Деревья и животные не разговаривают. Людоеды прячутся не под сенью сказочных переправ, а в черством человеческом сердце. И у всякой сказки есть свой конец, даже у страшной. Выплакавшись, Савельев почувствовал спокойствие. Настоящий покой, какого не знал все эти годы.

Ответы найдены. Прощание состоялось. Ритуал соблюден.

«Перекреститься, что ли?..»

Да нет, наверное, не стоит. Глупо как-то.

– *Ма-аль-т-чик...* – проворчала дыра.

Савельев окаменел.

– *Ты ми-няу хар-раи-шо кармил, ма-аль-т-чик,* – голос раздался уже сзади и одновременно – со всех сторон.

С протяжным злым свистом дыра выплюнула пятак обратно. Монета, срикошетив о ржавое железо, больно ударила Савельева в лоб. Выйдя из ступора, он метнулся к лестнице. Но

по бетону под ногой скользнул толстый, покрытый зелеными чешуйками хвост, и Савельев, зацепив его, с беспомощным писком растянулся на холодной шершавой поверхности.

Волна удушающе-теплого смрада накатила сзади и сверху. Савельев подтянул колени к груди, сжался в тугой комок, толкнулся от камня и прыгнул к лестнице. Из разбитого носа хлестала кровь вперемешку с соплями. Краем глаза он увидел проступающие за пеленой тумана смутные очертания чего-то большого, невероятно большого... Громадная тень, выросшая из другой, еще большей тени – моста. Она двигалась.

По ляжкам потекли теплые струи, но Савельев не заметил, что обмочился. Пулей он взлетел, цепляясь за трясущиеся жерди расцарапанными в кровь пальцами – наверх, наверх! Отчаянно брыкая ногами, кинул свое тело на шпалы, больно, до треска в ребрах ударившись грудью о рельс. Подняться на ноги сил уже не было.

И тогда Савельев, ломая ногти о металлическую сеть, скользя в собственной крови, слезах и моче, пополз. Над ним, хрипло хохоча, закружили проклятые птицы.

– *Па-кар-рми ми-няу ииц-ио, ма-аль-т-чик*, – пророкотал мост.

Позади из тумана выпросталась, разогнав воронье, гигантская, покрытая шерстью и чешуей ладонь. Она накрыла истошно вопящего человечка целиком. Огромные пальцы, заканчивающиеся кривыми черными когтями, сжались в кулак, оборвав жалкий писк влажным, чавкающим хрустом:

– *Хияс-сь*.

Забрав свое, громадная длань бесшумно растворилась в тумане, словно была соткана из него. Ветер развеял смутные очертания и подул ниже, чтобы слизать капли крови со шпал. Одиноким ворон, жалобно каркнув, взмыл наверх и присоединился к кружащей над переправой стае.

...Вечер набросил на реку покрывало сумерек. Бледный серп неполной Луны выкатил из туч, разливая серебро в стилой дымке над пересохшим руслом. Старый мост смотрел во тьму холодными мертвыми глазами.

У моста было много таких глаз.

Корректурa

В первый раз Алена встретила этого человека (тогда она еще думала о нем как о человеке) в пятницу вечером. Традиционный аврал перед сдачей номера закончился ближе к полуночи, и она, как всегда в такие дни, последней покинула редакцию. Вышла из офиса на свежий воздух, когда ночь, пожирая город, уже сомкнула холодные челюсти над районом. За спиной с тихим шелестом сошлись зеркальные створки, впереди короткий спуск в несколько ступеней выводил на полоску тротуара и пустую стоянку. В ожидании такси Алена закурила.

Ее нормой было три, максимум четыре сигареты в день. Но Игорек все равно хотел, чтобы она бросила. Почти все ее бывшие этого хотели. Что поделать, высокие парни с широкими плечами Алене всегда нравились больше, чем бородатые хипстеры с кафедры. Она долго терпела нытье очередного спортсмена, даже сократила норму до двух сигарет, но сегодня утром, когда Игорек обнаглел настолько, что, порывшись в сумочке, выкинул оттуда початую пачку «Ричмонда» – ее неприкосновенный запас! – послала его куда подальше. Тот даже не успел заявить традиционный ультиматум «выбирай – или я, или...», как дверь захлопнулась у него перед носом. Никаких «или», дорогуша.

Сейчас, вдыхая сладкий дым с привкусом вишни, Алена искренне наслаждалась этим маленьким актом мести и от удовольствия на секунду прикрыла глаза. В этот момент ее руки коснулось нечто холодное и склизкое, и тусклый голос проскрипел прямо в ухо:

– Вы работаете в этом издании.

«Что за дурацкий акцент?» – подумала Алена, а потом испугалась и отпрянула в сторону от незнакомца.

Вид у того, впрочем, оказался не слишком угрожающий. Мужчина с холодными влажными пальцами и странным, тягучим произношением (так могла бы разговаривать ржавая деревенская калитка, надели всевышний ее голосом) был ниже ее ростом и угже в плечах даже в своем темном пальто – полная противоположность тем, с кем она предпочитала заводить романы. К тому же, он был омерзительно стар. Худое лицо с глубокими тенями на месте щек напомнило фото узников Освенцима из статьи в последнем выпуске газеты. Кожа на голом черепе отливала в свете фонаря желтым.

– Вы... вы вообще кто, дедушка? – вырвалось у Алены.

Старик выглядел озадаченным. Она подумала о своей матери и о других ей подобных, с еще более высушенными мозгами, кому самое место в домах престарелых. Может, и этот из таких? Вышел прогуляться вечером, а по дороге забыл, куда и откуда идет, какой нынче год и как его зовут?

– Влас-сть тайн, – прошипел ненормальный. – Вы работаете здес-сь?

– На сегодня уже нет. На сегодня работа закончена, дедушка, впереди два выходных. Которые я бы хотела провести дома, чего и вам желаю. Доброй ночи и... ой!

Забывая сигарета обожгла пальцы, и Алена невольно взмахнула рукой, рискуя уронить тлеющий фильтр на сумочку или платье. Однако щуплый старикан стремительно метнулся вперед, подхватил костлявой пятерней окурочек и мгновенно затушил его, сжав в маленьком бледном кулачке.

– Глаз-за. Пос-смотри мне в глаз-за.

Она подчинилась и заметила в черных зрачках изумрудные отблески. Зелень притягивала, манила за собой, на глубину.

– Ты. Напечатаеш-шь. Мой текс-ст...

С этими словами старик развернулся, словно ища, куда выбросить сигарету, но вместо этого взмахнул кожистыми крыльями, в темноте так похожими на полы пальто, и взлетел.

Разинув рот и задрав голову, Алена еще долго всматривалась в ночь. Потом запоздало потянулась к сумочке, за телефоном, запуталась в кармашках, бросила это бесполезное занятие, оглянулась по сторонам – никого. Ни-ко-го!

Божечки мои! Она только что столкнулась с чем-то, превосходившим любые бредни из читательских писем с пятнадцатой страницы (между платными объявлениями разномастных знахарей и гороскопами), встретила нечто реально «не от мира сего» – и поблизости не оказалось ни одного свидетеля!

Алена чуть не расплакалась. Ей же никто не поверит! Захотелось напиться, но она предпочла выудить дрожащими пальцами из пачки еще одну сигарету и снова чиркнуть колесиком зажигалки. Черт с ним, пусть будет пятая.

Уже дома, разгребая содержимое сумочки, она обнаружила несколько неизвестно как там очутившихся тетрадных листков, исписанных мелким убористым почерком. Первая строчка служила заголовком, и эти слова давали однозначный ответ на вопрос, кем же был ее странный ночной собеседник. Алена вспомнила тот жутковатый наказ, что летучий старик оставил ей вместе с бумагами. Разделась, легла в кровать, включила ночник и принялась за чтение...

В следующий раз незнакомец явился в ночь с понедельника на вторник. Выходные у Алены не задались, она плохо спала, все время возвращалась мыслями к встрече со стариком. Порой ей почти удавалось убедить себя в том, что случившееся – только видение, нелепая шутка, которую сыграл с хозяйкой перенапряженный в будних трудах мозг. Увы, проклятые листочки ничуть не походили на эфемерный мираж.

Может, это просто чей-то глупый розыгрыш? Хорошо бы так!.. В понедельник Алена прихватила рукопись на работу, думая показать ее подружке-верстальщице. Но по пути, в метро, еще раз пробежалась по тексту – уже стараясь абстрагироваться от того, кто или что было автором рассказа. Работа есть работа, а Алена считала себя профи.

В итоге дальше ее рабочего стола бумаги не ушли. А к вечеру Алена про них и вовсе забыла – после обеда пришлось разгребать электронную почту и заниматься официальным сайтом газеты. Туда требовалось перенести материалы из брошюрок «Мега Ужас», что выпускались ежемесячно в течение трех лет как приложение к еженедельнику, пока около года тому назад не было решено заменить их более ходовым товаром – сборниками рецептов. Около шести на мобильный ей позвонила с югов маман, а сразу по окончании совершенно бесполезного десятиминутного разговора (жара страшная, вода в море холодная, давление скачет, а еще маман сфотографировалась с обезьянкой, но не знает, как отправить снимки по телефону) напомнил о своем существовании бывший, Игорек. К половине седьмого батарейка сотового, по счастью, начала медленно агонизировать, так что Алена в конце концов допила остывший зеленый чай, собрала вещички и побежала домой. К тому моменту она мечтала лишь об одном – чтобы все наконец оставили ее в покое.

Приняв душ и наскоро поужинав холодными сэндвичами, она налила в бокал красного полусладкого и, только взглянув на плещущуюся за стеклом багряную жидкость, поняла, что оставила рукопись на работе. Как раз в этот момент в окно тихонько постучали.

– Господи! Умеете же вы напугать, дедуля!

Третий этаж – как он сюда забрался?.. Впрочем, ничего удивительного, если подумать. Крылья-то ему на что? После сегодняшней нервотрепки и предыдущих бессонных ночей у Алены не осталось сил даже удивиться неожиданному визиту. С полминуты она просто смотрела на повисшего за окном гражданина, на его беззвучно шевелящиеся тонкие губы и странные жесты, которые тот делал правой рукой в ее сторону. В другой руке старик трепал свежий, воскресный выпуск «Власти тайн».

– Вам нужно приглашение, – догадалась Алена. – Залетайте, чего уж там...

Старикан не без труда, задев форточку крылом, пролез в распахнутое окно и завис над столом, выставив на обозрение хилый бледный торс с торчащими ребрами, покрытый беле-

сыми волосками морщинистый животик и съжившийся отросток с мешочком яиц. Настал черед Алены кривить губы.

– Боже... Простите... Вы не могли бы опять «пальтишко» надеть?

– Женщ-щина, – полыхнул глазищами гость. Но крылья все же сложил, обернув ими уродливое тельце.

«Экзгибиционист чертов!» – подумала Алена. А вслух произнесла:

– По половому признаку обращаться не слишком культурно. Тем более к даме.

Возможно, виной тому был омут деловой рутины, в котором Алена тонула весь день, возможно – нелепый облик крылатого деда. А может, она просто успела свыкнуться с тем, чем дед этот по сути своей являлся. Как бы там ни было, а страха перед загадочным стариком она больше не испытывала.

– Садитесь, плиз... Выпьете? А, вы ж не пьете...

– Да, – подтвердил гость, устраиваясь за столом. – Вина мы не пьем. Об этом, кс-стати, напис-сано...

– На заборе тоже написано, – отмахнулась Алена.

– Напис-сано, – прошипел старик еще раз и выложил «Власть тайн» на скатерть. – Но не напечатано.

Газета была открыта, разумеется, на последнем развороте. Литературный раздел – на той неделе Алена поместила туда новую страшилку от одного из постоянных авторов, Москалева.

– Почему не напечатано? – спросил гость тихо.

Алена всплеснула руками.

– Ну как почему? Вы русский-то понимаете? Хотя о чем я – судя по вашему тексту, с русским у вас дела плохи. Во-первых, когда вы изволили караулить меня у офиса, этот номер был уже сдан. А во-вторых, я, при всем пиетете, просто физически не могу опубликовать вашу писанину.

– Пос-смотри мне в глаз-за... – не шибко уверенно прошипел старик.

– Бросьте эти ваши штучки, дедуля! – оборвала Алена, махом допила и повторно наполнила бокал. – Это столица, а не румынское село какое-нибудь. Я вообще гипнозу не поддаюсь, чтоб вы знали. Мне потомственные ведуньи говорили... Хотите публикаций – терпите критику! Иначе – как там у Кинга? «Я отменяю свое приглашение...»

– Критику?

Несколько секунд он молча жевал тонкие губы, словно пробуя слово на вкус. Алена тоже молчала, облокотившись на подоконник и попивая вино.

– Хорош-шо, – наконец кивнул старик. – Что не так?

– Да все! Все не так. Начать хотя бы с автора. Вас как зовут?

– С-сигиз-змунд. Подкарпатс-ский.

– Ну и?.. – выгнула бровь Алена. – Это же бред, а не имечко! Вот в этом номере у нас – Москалев. До того – Самохин, Колыхалова... Ивановых несколько штук бывало. Нормальные человеческие фамилии, имена. А тут вдруг – Подкарпатский. Да еще Сигизмунд! Смех один, что люди подумают?

– Что я – вампир, – буркнул старик. – Мне это и требуется. Чтобы люди поняли, чтоб увидели, прочли о нас-с правду...

– Ой, да таких вампиров сейчас по Интернету!.. Куда ни плюнь, извините за выражение. Каждый второй школьник нынче – Дракула. Каждый первый студент – Цепеш. Роланды, Беллы, Эдварды, Луисы Альберты... Запомните, дорогой мой человек... вернее, не-человек... Зарубите на своем упырином носу: если хотите, чтобы ваш текст воспринимали всерьез – пользуйтесь обычными именами, а не идиотскими псевдонимами.

– Пс-севдоним... Но меня так величают на с-самом деле...

– Соболезную. И все же – Сигизмундов сейчас ни в одной газете не пропустят, уж поверьте. Будь вы каким-нибудь Семеном – другой разговор.

Вампир тяжело вздохнул.

– Ладно. Пус-скай С-семион...

– Ну а фамилия, допустим, Карпов. Пойдет?

– Допус-стим. – Снова вздох. – Что-то ещ-ще?

– Ну, о том, что тексты лучше присылать электронной почтой общим порядком, я уже помолчу. Понимаю, что с компьютерной грамотностью у вас еще хуже, чем с обычной. Но как минимум рассказик ваш надо сократить. Ой, вот только не надо мне корчить рожи! Есть такая штука – формат. Есть такое понятие – объем. – Она ткнула пальчиком в разложенную на столе газету. – Видали? Одна полоса, один рассказ. Плюс еще место под рекламу. Девять тыщ. Двенадцать – максимум!... Боже, вы и этого не знаете, да?

– Девять тыс-сяч чего?

– Рублей, блин! Гонорар за три рассказа. А ваш по объему как раз за три пойдет. У вас же там тридцать с лишним тыщ знаков с пробелами! Почти авторский лист! А полоса в газете – одна, на двенадцать тысяч максимум. Слишком большой текст, придется сокращать.

– Нельз-зя, нельз-зя... – захныкал Подкарпатский.

Алена развела руками, едва не пролив вино из бокала на стол:

– Велкам! Учитесь работать с Интернетом, там объемы не критичны, можете хоть десяток авторских на сайт какой-нибудь забабахать. А у нас все строго: хотите публикаций – сокращайте. Самое большое, что могу предложить в качестве компромисса, выложить на сайте газеты вашу эту писанину как есть. Но в самой газете – не больше трети от нынешнего объема.

– Мне надо подумать. – Вампир Сигизмунд поднялся из-за стола и, не прощаясь, прыгнул во тьму за окном. Алена услышала хлопанье огромных кожистых крыльев, на мгновение тень, похожая на гигантскую летучую мышь, закрыла бледный шар полной луны.

«Черт побери, – подумала она, провожая Подкарпатского взглядом. – Опять не успела включить телефон и сфоткать!»

На следующий вечер старик встретил ее у подъезда. Весь день Алена разгребала письма с идиотскими историями от читателей. Призраки прабабушек в старинных зеркалах, исповеди похищенных инопланетянами алкоголиков, загадочные предвидения – бог знает, какие авгиевы конюшни ей приходилось вычищать еженедельно, чтобы наполнить постоянную рубрику. Подчас она чувствовала себя ассенизатором, пытающимся выудить в переполненном биотуалете ненароком соскользнувшее в клоаку обручальное колечко. Бездна труд – обычно все заканчивалось тем, что приходилось брать и сочинять нормальные истории самой.

– Вы пахнете кровью, – вместо приветствия заявил Сигизмунд.

– Оставьте свой номер. В следующий раз, когда у меня начнутся месячные – позвоню предупредить.

– У меня нет телефонного аппарата...

– Как и чувства юмора. Ладно, с чем пожаловали?

Подкарпатский вздыхал и мялся.

– Я обдумал вс-се...

– Ну и?

– Интернет как мес-сто публикации... меня не интерес-сует. Я предпочитаю печать, в силу, так с-сказ-зять, приверженнос-ти традициям... С-стокер... Ле Фаню... Полидори, опять же.

– Полидори-помидори... Желаете попытать силы в книжных издательствах? Флаг в руки, Сигизмунд, – сказала Алена, выудив из сумочки ключи и сотовый.

– Нет, – печально покачал головой старик. – Не С-сигиз-змунд. С-семен.

– Вот так все-таки?

– Да. Я с-смотрел... Я хочу рас-сказ-зять правду. О нас-с... Чтобы ее уз-знали вс-се... Тиражи с-современных книг... удручают. У вас-с – двес-сти тыс-сяч. С-совс-сем другое дело.

– То есть вы согласны на сокращения? Вы это хотели сказать, Семен?

Вампир в очередной раз печально вздохнул и поплотнее закутался в крылья-пальто.

– Что ж, я посмотрю, что можно сделать с вашей писаниной. Загляните через неделю. А пока, если позволите...

Она шагнула к старику, обняла его хрупкое плечо одной рукой, а вторую, с телефоном, вытянула вперед и нажала кнопку фотоаппарата.

– Что ты делаеш-шь, женщ-щина?!

– Это называется «селфи», дедуля.

Перед тем как лечь спать, Алена выложила свежее фото у себя в соцсети, подписав его «Мой Носферату». Подкарпатский на снимке был смущен и бледен, глаза его тускло блестели, отдавая зеленью. Первый репост и коммент оставила подружка-верстальщица: «Какой импозантный дядечка))))))».

Во вторник в обед Алена снова заглянула в Сеть и, к своему неудовольствию, обнаружила на почте с десяток уведомлений о сообщениях. Все новые комменты к выложенному фото оставил бывший. Она ничего не ответила: пройденный этап есть пройденный этап, а если Игорек считает иначе, то это его проблемы.

Потом позвонила мать. После короткого и не шибко красочного отчета о пойманных дохлых медузах и найденных на берегу ракушках речь зашла о личной жизни, из чего Алена сделала вывод, что бывший (маман всегда ему симпатизировала) уже успел поплакаться у несостоявшейся тещи на груди.

Нет, мам, у меня никого нет. И я никого не ищу. Общаюсь исключительно с коллегами по работе. А работы много, мам, правда, и я вообще-то прямо сейчас пытаюсь... Так что не могла бы ты?.. Верность догадки подтвердила заключительная речь маман: в течение пяти минут та вспоминала Игорька, какой он был хороший и внимательный, и как жаль, что Алена его совершенно не ценила...

Остаток дня прошел из рук вон. Очередной опус прислал Москалев – на сей раз никуда не годный. Якутских шаманов и переселение душ – к чертям собачьим, такого «добра» в газете и так навалом, а надо подумать и о читателях, жаждущих кровищи, убийств, маньяков. Собственно, настроение было такое, что ее и саму тянуло почитать что-нибудь в духе «Баек из склепа» или «Американской истории ужасов». К тому же Алена не собиралась публиковать постоянно одних и тех же авторов, а в архивах сохранились переводы парочки рассказов Роальда Даля и Роберта Блоха. Ах да, и еще дурацкая рукопись от нетопыря-эксгибициониста. Упыринные письма требовалось набрать заново на компьютере, а потом посмотреть, что с ними можно сделать в смысле редактуры, но Алена сегодня уже слишком устала. Сколько дедушке лет-то, интересно?.. Они же, нечисть эта, вроде как бессмертны. Двести, триста?.. В любом случае Семен-Сигизмунд достаточно стар, чтобы подождать еще день-другой.

В итоге к вечеру четверга Алена только начала набирать рассказ Подкарпатского в текстовом файле, попутно выбрасывая из истории ненужные куски. Которых там хватало с избытком. И вообще творение старика ей категорически не нравилось. Категорически! Вот вечно ей не везет. Всяким малолеткам, судя по фильмам и книгам, встречаются на пути сплошь бесконечно талантливые и романтические кровососы, ей же попался вампир-графоман.

Подкарпатский ждал ее у входа в метро, похожий в своем извечном пальтишке на бездомного пьянчужку.

– Слушайте-ка, – обратилась к нему Алена без обиняков. – Уж за сто лет, или сколько вам там, дедуля, могли бы и научиться писать! Раз уж в писатели податься решили. Есть же, в конце концов, какие-то курсы, семинары проводят.

Упырь скрипнул клыками.

– Влас-сть тайн. Могу я рас-считывать на публикацию в текущ-щем номере?

– Очень с-сомневаюс-сь. Полегче, полегче, Семен Сигизмундыч, не надо так зыркать! Могу сказать, что объемы текста я уже сократила. Убрала весь тот бессмысленный треп про ваше детство и отрочество...

– Как ты пос-смела?!

– А у меня был выбор? – возмутилась Алена. – Две трети написанного так или иначе необходимо выкидывать. И потом, дорогой мой не-вполне-человек, во времена вашей юности, возможно, читатель и готов был продираться через биографические подробности к интерес-ным эпизодам, но в наши дни, в нашем мире людей нужно увлекать сразу, буквально с пер-вых же строчек повествования. Что и подводит нас к следующей проблеме вашего текста – его стиль.

– С-стиль?.. Что с-с ним не так?

– Он скучный! Неимоверно скучный, затянутый, выпранный. А пафоса сколько, божечки! Огромное количество совершенно ненужных описаний, сравнений, эпитетов. Длинные-предлинные предложения: к концу уже успеваешь забыть, что было в начале. Никуда не годится.

– Но я с-старалс-ся... Эдгар Аллан По... Ховард Филлипс-с Лоукрафт...

– Скончались стотыщпятьсот лет до нашей эры! Их никто уже не читает, товарищ! По крайней мере, для развлечения.

– Я и не с-собираюс-сь никого раз-звлекать!

– Оно и заметно. Вот только нашу газету люди читают там. – Алена махнула рукой в сторону ведущего на станцию метро перехода. – Поутру, когда на работу едут. Пока еще про-сыпаются. А ваша писанина, дедушка, действует как снотворное. Ну вот что это такое – «хлад-ный диск полночного светила, как рыба в глубине океанских бездн, плыл, серпом Селены взре-зая массивные, налитые грядущей грозой, тучи»? Что это, если не издевательство над мозгом читателя? Хотите писать так, чтобы было интересно современному читателю – пишите проще, пишите короче. «На небе сияла луна» – и точка. Понимаете?..

– Допус-стим... – издал Подкарпатский уже привычный для ее слуха горестный полу-вдох-полустон. – С-сколько мне ещ-ще ждать?

– Не знаю, – отмахнулась Алена. – Две, может, три недели. А то и больше.

– Я терпелив... Но мое терпение не вечно.

– Ой, вот только не надо угрозы! Знаете, сколько вас таких, страждущих? Тех, кто завали-вает письмами и ноет, ноет, ноет – опубликуйте то, опубликуйте се.

– С-сами хорош-ши... С-сколько крови у нас-с, авторов, выс-сос-сали...

– Ой, вот кто бы говорил! Насчет «высосать» и прочего. И вообще. Вас, так называемых «авторов» – сотни! А я одна, одна на всех, и возиться с каждым, как с ребенком, не могу и не буду! Ясно?!

Старик, казалось, задумался. Алене от близости этого мозгляка стало совсем уж зябко, и она направилась было к спуску в метро, когда зазвонил телефон.

– Я тебя вижу! У перехода! С этим мерзким старикашкой! – Игорь явно был пьян (о-ля-ля, спортсмен забыл про здоровый образ жизни) и на взводе. – Как ты могла! С ним! С таким!.. После всего, что было! После того, как я, ради тебя...

– Как же вы меня все достали. – Алена сбросила вызов и тут же получила повторный. Пришлось возиться, отключать звук у айфона, и это ее задержало.

Подкарпатский, догнав Алену на ступеньках, изрек:

– Ес-сли бы я мог оказ-зть вам какую-нибудь... ус-слугу... В качес-стве единовременной благодарнос-сти з-за труды, так с-сказ-зть...

Затылком она ощущала липкий взгляд Игорька – вполне вероятно, бывший продолжал следить за ними, стоя наверху.

– Услуги? Хм...

Настал ее черед пораскинуть мозгами. Продолжающий назойливо вибрировать в сумочке телефон, однако, помог принять решение быстро. Сейчас, когда Алена была на нервах, оно далось ей легко, вопрос как-то сам собой соскочил с языка:

– А это вообще правда, что вы в своем рассказе написали? Ну, про то, что люди просто так в вампиров не превращаются? Что для этого мало стать жертвой вампира, что обычно от потери крови человек просто умирает?.. Если так, и если ваше, дедуль, предложение еще в силе, то, кажется, есть у меня один вариант...

Несколько последующих дней Алена занималась правкой рассказа. Вычищала излишние «красивости», выгребала устаревшие словечки с «ятами» и без. Безжалостно уничтожала рассыпанные по всему тексту в избытии местоимения и предлоги, выжигала наречия, рубила чрезмерно сложные, длинные предложения на несколько коротких простых. В итоге от исходного текста нетронутым осталось разве что название – оно-то подходило для «Власти тайн» на все сто. Остальное же пришлось фактически переписывать набело. Провозившись всю ночь, к утру понедельника она валилась с ног от усталости, но зато – рукопись была готова, бери и сдавай в верстку. Чувство удовлетворения наполняло ее весь день еще и потому, что бывший более не беспокоил ее ни в соцсетях, ни по телефону. А вечером они отпраздновали день рождения подружки-верстальщицы, выпив по паре бокалов мохито или чуть больше – ладно-ладно, гораздо больше! – и всласть натанцевавшись в ночном клубе.

Во вторник, к приятному своему удивлению, Алена проснулась в постели не одна, а в компании с загорелым мускулистым танцором. Кажется, его звали Конан, она точно не помнила, да и так ли уж это было важно? Не Игорь – и на том спасибо. К тому же, он пил и курил. Длинноволосый блондин оказался младше ее на десять лет, но ни его, ни ее это нисколько не волновало, так что она позвонила в офис секретарше, сказала простуженной и не выползала из спальни весь день. Впервые за этот месяц Алена смогла расслабиться и ощутить себя по-настоящему счастливой и свободной.

Так продолжалось вплоть до вечера среды, когда в очередной раз отзвонилась маман. Алена не без гордости похвастала, что ее личная жизнь наконец-то налаживается. Да, без Игорька. Да, мама, я в курсе, что он пропал без вести, но мне совершенно плевать. Что-о?! Да как ты смеешь! Пускай я плохая, пускай бесчувственная, но я твоя дочь, единственная, между прочим. Что значит «лишишь наследства»? Как... что... Нет!!!

В ту ночь ее белокурый варвар танцевал в клубе, а она не смыкала глаз, лежа в спальне одна. Злилась на старую сумасбродку. Гадала, высчитывала, сколько лет еще ей придется мучиться с графоманскими опусами для «Власти тайн», чтобы накопить на собственную квартиру в столице. В отличие от Сигизмунда, у нее нет в запасе пары столетий, думала Алена. «В отличие от моего Носферату, у меня времени нет вообще – маман прилетает с курорта в конце недели».

Файл с рассказом Подкарпатского был у нее при себе, на флешке, когда в четверг вечером Алена заглянула в кабинет верстальщицы.

– Кофеечку? – предложила та, приветливо улыбнувшись. – Что там у тебя, Аленка, что-то из классиков опять?

– Не совсем. – Вместо флешки Алена выудила из сумочки пачку «Ричмонда» и угостила подружку. Верстальщица выкуривала по половине в день, а в период авралов расплавлялась с целой пачкой. В комнатке у нее вечно стоял запах дыма, что, вообще-то, всеми внутренними правилами редакции было строго-настрого запрещено, но Алена смотрела на эти нарушения сквозь пальцы – сама такая.

– А вот скажи, Вероника, – обратилась она к подружке как бы невзначай, когда они обе устроились на мягком диванчике у раскрытого окна, с кружками горячего кофе и тонкими

сигаретами в руках, – если бы ты могла, скажем так, подкорректировать что-нибудь не в газете нашей, а в... окружающем мире, но только не бесплатно – ты бы пошла на это?

– Придумаешь тоже, – фыркнула Вероника. – Мне за верстку зарплата капает, с чего бы я должна за собственную работу кому-то еще платить?

– Нет, ты представь, что речь идет не об обычной верстке, а о такой, что твою жизнь могла бы изменить. Но лишь ценой жизни кого-то другого.

– В смысле, убить кого-нибудь ради того, чтобы разбогатеть?

– Не напрямую, – осторожно кивнула Алена. – Не лично, а как бы чужими руками...

– Ну, если мне за это ничего не будет, – верстальщица посмотрела на нее, выгнув тонкую бровь, – так почему бы и нет? Если честно, то я сейчас убить готова за хорошего кобеля. У тебя никого на примете не имеется?

Алена оставила ей номер своего стриптизера, а себе – флешку с рассказом Подкарпатского. В последние дни (вернее, вечера) тот оставил ее в покое, но она не первый год зналась с графоманами и была уверена: старик еще напомнит о себе. В конце концов, в редакционном портфеле имеются шаманы Москалева, которыми, в случае необходимости, можно заткнуть дыру в текущем номере – и уж тогда-то ее Носферату непременно заявится выяснять, почему его «шедевр» в очередной раз продинамили.

К услугам москалевских шаманов, однако, прибегать не пришлось. Сигизмунд подошел к ней в переходе между станциями метро, вышел из-за колонны, худой и высокий – Алене почудилось, что он прибавил в росте с последней их встречи. Впалые щеки налились румянцем, как от мороза, в глазах танцевали зеленые искры.

– Какой вы нынче жизнерадостный, – не удержалась от колкости Алена. Вампир не обратил внимания на ее ехидный тон:

– Питаю надежду, что вы меня порадуете. Моя история. Текущий номер. Влас-сть тайн. Договореннос-сть в с-силе?

– Ой, даже не знаю... Возможно. Наверно... Скорее всего.

– С-скорее вс-сего? Как это понимать? – Кровь отхлынула у старика от лица, и Алена подумала про себя, что это, должно быть, кровь Игорька.

– Нет, лично я ничего против вашего текста не имею, – уверила она. – Правки сделаны, все готово. Но, Семен Сигизмундыч, вы должны понимать, вы ведь не один такой. Ну, то есть вы-то такой один, конечно, но у нас и другие авторы есть, другие рассказы тоже ожидают публикации. Я же не могу вот так вот взять и изменить все планы. Может быть, через месяц, если к тому времени литературный раздел газеты не прикроют...

– Из-здеваешь-шь-с-ся? – Старик обнажил клыки.

– Ой, только не надо скрипеть сейчас на меня! Я и так делаю ради вас все, что в моих силах. Жертвую силы и личное свое время, между прочим.

Подкарпатский по-кошачьи, одним быстрым плавным движением скользнул к ней, так что черные с зеленью зрачки оказались аккурат напротив ее глаз. Теперь он был одного с Аленой роста и, с удивлением обнаружила она, стал шире в плечах. От него все еще пахло древностью, застарелой подвальной пылью, но к этому запаху, кажется, примешался другой, знакомый – так пах дезодорант Игоря, которым тот пользовался до и после тренировок в зале.

– Ус-слуга, – произнес вампир, обнажив клыки в снисходительной ухмылке. – Тебе нужна еще одна ус-слуга. Хорош-шо... Но это будет пос-следний раз-з. З-запомни, это – пос-следний!

– Воскресенье, – пообещала Алена, сглотнув подступивший вдруг к горлу комок. – В это воскресенье ваш рассказ напечатают. Если...

– Никаких ес-сли. Это – пос-следний. Пос-следний ш-шанс-с.

В пятницу она сдала номер в верстку. В субботу попыталась дозвониться маман, но безрезультатно, как и в воскресенье. Днем в понедельник ей самой позвонили на рабочий номер,

из больницы: мама лежала при смерти. Где-то дома, в московской квартире, упала, порезала руку, да так неудачно, что практически истекла кровью к тому моменту, как приехала скорая. Алена никому не стала рассказывать об этом звонке. На душе у нее кошки скребли, работа шла из рук вон. Ей требовалось выпить, вволю накуриться, расслабиться, забыться.

Вечером она снова попала в клуб и до полуночи извивалась со своим (впрочем, теперь ей приходилось делить его с Вероникой, но в понедельник, четверг и воскресенье была ее очередь) блондином как на танцплощадке, так и в кабинке уборной. А когда, оставив Конана, немного пьяная и очень довольная, явилась домой, то, не без труда отперев замок, скинула туфли, одежду и приняла душ, зашла на кухню выпить перед сном бокальчик любимого красного полусладкого. Где и наткнулась на разъяренного Сигизмунда.

– Непрос-титительно, – проскрежетал Подкарпатский, швыряя в лицо Алене свежий, воскресный выпуск «Власти тайн». Зрачки вампира горели холодным зеленым пламенем, он вышался над ней огромной могучей тенью, и темные густые локоны, пахнувшие шампунем ее матери, струились у него по плечам, мускулатуре которых позавидовали бы и Игорь, и Конан. В этот вечер Сигизмунд соответствовал всем ее представлениям об истинной мужской красоте.

Алена подхватила газету и, справившись с колышущейся перед глазами мутой, сосредоточила взгляд на странице литературного раздела.

«Божечки, – подумала она, не в силах поверить тому, что там увидела. – Божечки мои, Вероника, подружка-верстальщица, как же так, божечки святы!..»

Она пыталась что-то лепетать в оправдание, но Подкарпатский не стал ничего слушать или говорить. Молча распахнул гигантские крылья, стремительно прыгнул к ней и одним движением больших и невероятно сильных рук оторвал женщине голову.

Голова с глухим стуком упала на пол, вслед за ней полетели, планируя, мятые газетные листы. А тело редактора осталось стоять, зажатое в объятиях писателя. Лицо вампира склонилось к дыре, которой теперь заканчивалась шея Алены, и струи крови, толчками вырываясь из порванных жил и сосудов, ударили в жадно распахнутый рот упыря алым фонтаном.

Несколько капель упали и на страничку газеты, где, прямо под псевдонимом автора (Семен Карпов, Карпаты), красовалось, набранное красивым готическим шрифтом с вытянутыми литерами и эффектными засечками, название его рассказа:

УКСУС ВАМПИРА

Конец пути

В последние деньки я все чаще стал замечать, как Штырь украдкой бросает голодные взгляды на Янку и на ее вздувшийся живот. И мне это, конечно, не нравилось. Люди в нашем маленьком отряде наперечет, всех нас Война изрядно потрепала, и с каждым меня связывало что-то общее, но Штырь есть Штырь. В нем уже и человеческого-то почти ничего не осталось. В отличие от Янки, Василича и остальных, ему я не доверял. Опасался – не столько его самого, сколько тех тусклых огоньков, что тлели на глубине темных впадин под лишенными волос надбровными дугами, когда он отрывал взгляд от потрепанной книжки и долго, молча, не мигая, глазел куда-то вдаль. Что он там видел, какие картины рисовал в воображении, можно только догадываться. Но в такие моменты Штырь пускал слюну, как умственно отсталый, и бормотал что-то себе под нос. Нельзя было разобрать ни единого словечка, но я точно знал, с Кем он говорил.

Кто-то когда-то, еще до Войны, ляпнул красного словца ради: «Безумие заразно». Глядя на Штыря, я не мог не вспоминать эту фразу и не задаваться вопросом, насколько болезненное состояние его надломленной психики передается мне, Янке, другим. Царь Голод был для Штыря богом, но, положив руку на сердце, кто из нас теперь, в эти скудные времена, не обращал к Нему молитвы, во сне или наяву, кто не выпрашивал милости?.. Не знаю, есть ли такие сохранившие здравомыслие удалыцы в моем отряде, но я сам точно не из их числа. А началось все с него, со Штыря.

Штырь был первым, кто услышал Царя. Помню, как он орал, шуля на небо опухшие, красные от известковой пыли и слез глаза, когда мы с Максимом вытаскивали его переломанное тело из-под завалов старой школы на Маросейке. То не были крики радости. Нет, Штырь вовсе не ликовал по поводу чудесного спасения. Он выл, и голос его источал тоску и страдание, каких я никогда не слышал, а уж за время после Войны я всякого наслушался вдоволь. Волосы у него уже тогда начали выпадать, но те, что оставались, были седые, как у глубокого старика. На зубах и подбородке чернела кровь, он кусался, царапался, бился у нас на руках в припадках бешенства, да так, что мы вдвоем едва могли удержать, несмотря на сильнейшее его истощение и сломанные в нескольких местах ребра. В себя пришел далеко не сразу, а постепенно. Разум начал к Штырю возвращаться, только когда Максим, добрая душа, поделился с ним своей пайкой. По счастью, тогда у нас еще было чем делиться. Тогда мы еще не знали, что такое Царь Голод. В отличие от Штыря.

Теперь каждый в отряде так или иначе знаком с Царем. Кто больше, хотя Штырь тут и вне конкуренции, кто меньше. Как Янка – о ней все-таки я забочусь. Но даже она признавалась мне с неделю тому, что слышала Его голос. Вот что пугало больше всего. Безумие заразно. Доставшийся мне по наследству от отца хронометр давным-давно приказал долго жить, но по ночам я слышу сухие щелчки, с холодной неумолимостью отмеряющие путь из пункта А в пункт Б. Понятия не имею, долго ли нам еще туда идти, хотя боюсь, что уже немного осталось. Точно знаю одно: в конце этой дороги нас всех с распростертыми объятиями поджидает оно – кровавое безумие.

Тэк-с, тэк-с – щелкает у меня в голове. Голод не тетка!

Тэк-с, тэк-с – цокает языком Штырь, поглядывая на Янку. Аппетитная девочка...

Мы устроились за насыпью у поворота к имению Губера – я, Штырь, Янка и еще четверо. Всего, получается, семь человек, втрое меньше, чем два месяца назад, когда кончились запасы консервов. Кто жевал траву, кто изучал почерневшие остовы деревьев в надежде найти не тронутый пламенем, а значит, съедобный участок коры. Штырь в миллионный раз перечитывал учебник литературы за седьмой класс – он был при нем, болтался в штанах, когда мы его откопали в завалах во время того рейда по городским развалинам. Черт знает почему, но

Штырь с этой дурацкой книжкой никогда не расстается. Янка спала с открытыми глазами, утопая невидящим взором в низких, налитых свинцовой тяжестью тучах. Слава богу, в ее зрачках не видно этих жутких огоньков. Я сидел рядом, касаясь бедром ее ноги, ощущая тепло ее тела. Проверял амуницию – лук, самодельные стрелы, ножи – так было удобнее следить за Штырем.

Максим-то знал, а вот остальные, считая и Янку, не в курсе, что мы со Штырем знакомы еще по прошлой жизни. В одном дворе росли, ходили в одну школу (ту самую, превращенную в пепелище, – впрочем, сейчас все школы сровнялись с землей), только в разные классы. Кому из отряда скажи – не поверят, но я на год старше Штыря. Война всех уравнила в этом смысле, а кому и воздала сторицей. Штырь с его бледным иссохшим лицом и клочками белого как снег мха на голом, покрытом серыми пятнами черепе, по виду мне в отцы уже годится, а то и в деды. Нет уж давно того двора, дома наши, как и все прочие дома, разметало в пепел. Былая дружба превратилась в затхлые руины, где над гниющими трупами родных и близких правит Царь Голод. Это огоньки Его смеха мерцают в глазах у Штыря, когда он поглядывает на дремлющую Янку. Уж я-то знаю.

Тэк-с, тэк-с – щелкает в голове. Тэк-с, тэк-с. Желто-зеленой змеей проскальзывает язык меж почерневших редких зубов. Очерчивает контур тонких лиловых губ, оставляя влажную борозду на грязной, покрытой струпьями коже.

Тэк-с, тэк-с – цокает Штырь, сглатывая слюну.

Затолкав последнюю стрелу в колчан, я поднялся и тихонько свистнул. Взгляды охотников на секунду-другую обратились в мою сторону. В глазах у некоторых виднелись те же голодные огоньки, что и у Штыря. Тот понял, кому предназначался сигнал, не сразу: несколько раз моргнул, схаркнул зеленоватой жижей, только затем уставился на меня.

– Айда по периметру, – сказал я. – Стоит проверить.

– У бабы своей под юбкой проверь, – буркнул в ответ Штырь. Без вызова, голосом таким же серым и тусклым, как и он сам.

– Она не носит, из моды вышло.

Штырь оценил шутку, и череп его понизу расколола кривая ухмылка:

– Тэк-с, тэк-с. Ну, тады давай пройдемся. Может, сыщем обнову.

Крякнув по-стариковски, он спрятал учебник за пазуху дырявой ветровки (досталась ему от Максима, когда того не стало), оперся тощей рукой о навершие топора и медленно встал. Закинув топор на плечо, похромал вперед. Я задержался, чтобы еще раз взглянуть на спящую Янку. Умиротворенное лицо, тонкая белая шея, мальчишечья грудь... округлый, выпирающий живот. В желудке у меня заурчало, а в голове защелкало с новой силой.

– Как думаешь, друже, сколько мы еще так протянем? – спросил Штырь не оборачиваясь, когда я нагнал его. Шагал я быстро, но тихо – привык уже не шуметь в окрестностях Губерских владений, – но он все равно слышал. Как много времени Штырь провел в тех завалах, одному богу известно, но выволокли мы с Максимом оттуда уже не старого моего знакомого, не Ваньку Штырлова, а кого-то другого. Может, как мне иногда кажется, и не человека вовсе. Чувства его – обоняние, зрение, слух – обострились до предела. Благодаря этим нежданно раскрывшимся в нем сверхчеловеческим способностям Штырь, оклемавшись, стал едва ли не самым ценным членом нашего отряда. Жаль, Максиму это не помогло... Может, и поэтому тоже я его опасуюсь – слишком мало в Штыре осталось от того соседского парня, с которым когда-то мы водили дружбу.

– Не знаю, Ванька, – ответил я, чувствуя себя противно оттого, что приходилось разговаривать с ним вот так. Осторожно, подбирая слова. Изображая, как будто бы мы с ним еще близки, хотя на самом деле он давно стал для меня чужаком. – Не знаю.

– День-другой... Затемдохнуть начнем, – сказал он. – Людям надо что-то жрать, кроме ковыля и коры, чтобы сохранять силы.

– Ты же у нас учитель, тебе видней.

– Был учитель, да съели с потрошками.

Я по-прежнему видел перед собой только спину Штыря, но догадывался, что сейчас он вновь обнажил зубы в усмешке. Мы отошли метров на пятьсот в сторону базы и, убедившись, что здесь все спокойно и пустыня осталась пустыней, взяли по широкой дуге назад – с тем, чтобы выйти за поворот, к трассе, где с моста над оврагом можно увидеть огороженное высокой бетонной стеной имение Губера.

– Ты ведь понимаешь, что рано или поздно люди начнут точить ножи друг на друга, – продолжил Штырь, как будто мы и на минуту не прерывали разговор, хотя на самом деле в пути прошло не менее получаса.

Миновали мелкий ручей, на берегах которого ноги почти по щиколотку утопали в темной вязкой жиже. Пройдя еще метров двести по голой, черной от сажи земле до выгоревшего в уголь ствола павшей ели, повернули направо, к дороге.

– Наверное, начнут, – сказал, подумав, я. – Но что делать?

– Топать за мост. Ждать больше нельзя.

– Лучше попасть под пули губерских, что ли? – попробовал я его урезонить.

Штырь резко замер и обернулся – впервые за все время нашего похода. Сейчас он уже не улыбался.

– Альтернатива хуже, Миша, – проскрипел он сквозь зубы. – Альтернатива гораздо хуже. Уж ты мне поверь.

Я верил, потому что знал, как давно знакомы Штырь и Царь Голод. Что стало с другими, с кем после первых бомбежек он несколько месяцев прятался в школьном подвале от Губера и его банды? Мы, охотники, нашли черепа да кости. И детские косточки там тоже были... обглоданные. Максим предполагал, что их съели животные. Но Максим всегда был наивен, верил в людей – говорил, что без веры сам перестаешь быть человеком. Максим был глуп и неосторожен, и потому уже месяц как мертв. А зверей в округе совсем не осталось... не считая двуногих.

– Если не решишься... – Штырь, отвернувшись, почесал шею. Голос у него снова стал тусклый, скучающий. – Тогда смотри на людей. Те, кто здоровее – за ними следи. Серый, Василич этот ваш, завхоз. Они начнут. Будут выбирать слабых и умирающих... Начнется все с какой-нибудь ссоры, словно случайно. Закончится смертоубийством. Потом пойдут речи о том, что мясу нельзя пропадать... И мы согласимся. Мы все. К тому времени за нас будем говорить уже не мы, будет говорить Царь. Такие у нас перспективы, Миша. Тэк-с.

Я подумал про Янку. Жилистую, высокую, не по-женски сильную Янку. Ее положение неизбежно лишит ее сил. Сделает уязвимой. У нее крупные бедра, мускулистые икры – мне ли не знать. И внутри растет еще одна жизнь.

В животе опять заурчало. Штырь услышал, оглянулся. В таящейся на дне его глаз первобытной мгле снова вспыхнуло пламя.

– А ты? – Я положил ладонь на рукоять заткнутого за пояс ножа. – Кого бы выбрал ты, друже?

Бывший учитель русского языка и литературы задумчиво облизнул губы. Погладил спрятанную под полой у груди книгу.

– У стариков вроде Василича мясо жестче... и хватит его ненадолго. Я б начал с женщин и детей, но... детей среди нас нет.

Сказал – и, отвернувшись, потопал дальше, прихрамывая на левую ногу, из которой вытащили полгода тому назад пулю. Янка вытаскивала, она у меня курсы медсестер закончила еще до Войны. Работала раскаленным на углях лезвием кухонного ножа, а я, Василич и Максим держали. Ранение было делом губерских: поймали его тогда на рейде, но Штырь сумел каким-то чудом отбиться и добрался, истекая кровью, до лагеря. Максиму несколько месяцев спустя свезло меньше.

Тэк-с, тэк-с, Миша. С женщин и детей... Только детишек у нас нет. Пока.

Я нагнал Штыря у самого периметра, на краю нашей, относительно безопасной, зоны. Относительно потому, что губерские время от времени устраивали собственные рейды. Правда, в отличие от моего отряда, искали не провиант в развалинах, а выживших.

Штырь сидел на кортах, на ближней стороне оврага, опираясь тощей, похожей на паучью лапу рукой о топор, и смотрел вдаль. Не в ту умозрительную «даль», с которой он порой разговаривал, бурча что-то под нос, когда впадал в это свое полубредовое состояние и начинал пускать слюни, а туда, куда тянулась от положенной над провалом переправы полоса асфальта. Когда-то здесь, по обе стороны от дороги, рос густой заповедный лес, но Война превратила эти края в серую от пыли и пепла равнину, огромное кладбище с торчащими, как памятники, зубастыми верхушками обугленных пней. А дорогу, проложенную незадолго до начала Войны, бомбы чудом не зацепили. Нигде по ту сторону переправы, вот ведь как бывает. Ровное полотно пересекало мертвое поле прямой, как линейка, полосой и казалось на этом фоне столь же уместным, как жизнерадостный клоун в раковом корпусе... Ну или как учитель русского языка и литературы в мире, где больше не осталось детей.

– Скажи. – Я, пересилив отвращение, тронул костлявое плечо. – Почему там, в школе, ты не сожрал свой гребаный учебник? Понимаю, деликатес еще тот. Но все-таки обложка, страницы... Бумагу ведь делают... делали из дерева. И если можно жрать траву, то... Все-таки лучше бумага, чем...

Штырь посмотрел на меня снизу вверх.

– Тебе, Миша, этого не понять. Пока еще – не понять.

Несколько минут мы сидели молча.

– Курить хочется, – сказал он. – Веришь, до Войны вообще не курил, а уж после тем более. Но как же иногда хочется затянуться.

– Хорошо, – наконец кивнул я. – Согласен. Пойдем вперед, на ту сторону. Посмотрим на домик Губера поближе.

– Тэк-с, тэк-с! Не думал, что ты решишься, – то ли сухо кашлянул, то ли рассмеялся Штырь. – Что, все-таки лучше так, чем ждать, кто первый укусит твою бабу за ляжку, да? Этого ты боишься больше.

– Определенно. – Я промолчал о том, подумать о чем для меня было страшнее всего. О том, что «первым, кто укусит» могу оказаться я сам.

– А может, они там передохли уже давно, а мы все за периметр зайти ссымся.

– Это потому, что еще сами не дошли до предела.

– Ой ли?..

Так, развлекая друг друга ничего не значащими репликами, почти как в старые добрые времена (хотя тогда у нас были совершенно иные темы для разговоров, все больше о девчонках и видеоиграх), мы выбрались на трассу. И, минуя мост, напрямик потопали в направлении белеющего на горизонте бетона.

– Приятно ощутить под ногами нормальную дорогу, – заметил я, когда за спины нам уплыл изрядно покореженный знак скоростного ограничения, под которым болталась изрешеченная пулями жестянка, предупреждающая о том, что впереди лежат частные владения.

– Дорога жизни, – мрачно сказал Штырь. То есть в голосе у него никогда не наблюдалось особого воодушевления, но эти слова прозвучали как-то особенно хмуро даже для такого существа, как Штырь.

– Ты чего, Ванька?

– Да так... Видишь? – Он указал рукой на вплавившийся в землю железный остов. – После первых атак народ, кто побойчее, рванул к губерской резиденции. Кто-то искал защиты, кто-то справедливости. И пешком шли, и на машинах, у кого целы оставались. Для многих несчастных дорога эта была дорогой жизни, дорогой надежды...

– Да ты поэт.

– Это они «поэты». Были.

За первым сожженным авто открылось второе, третье. Издалека их легко было принять за очередные пеньки, но вблизи детали становились узнаваемы. Тэк-с, тэк-с – шелкал хронометр, а в памяти всплывали уже подзабытые названия: «москвич», «Лада Гранта», «Форд Фокус», «копеечка». Несколько десятков обгоревших машин по обе стороны от дороги, некоторые почти целиком утонули под слоем земли и пепла.

– Вот почему так долго губерские нас, пейзажистов, не трогали. Спасибо мертвым поэтам, этим несчастным дебилам, таким, как твой дурачок-приятель, Максим. Мясо само шло к ним в руки.

– Как и мы теперь. – Я содрогнулся.

Дорога жизни? Дорога смерти... Дорога в никуда, из одного Ада в другой.

Некстати вспомнил родителей. Как и миллионы других, батя тоже сгинул на какой-то дороге, откликнувшись на зов Войны. Ему терять, как он считал, было уже нечего – мамке повезло оказаться в числе тех, кого накрыло первой волной, в центре, а я уже был взрослый и жил отдельно, с Янкой. Влившись в какой-то стихийный, вооруженный дрекольем отряд, отец отправился в поход, как он сказал, «на Запад», – и ушел навсегда. Когда-нибудь так же уйду и я. Пойду куда глаза глядят, чтобы уже не вернуться. Вопрос лишь в том, будет ли кому продолжить мой путь.

И стоит ли его вообще продолжать?..

Штырь приметил у обочины пару зеленоватых стеблей, наклонился, сорвал и отправил в рот. Потом посмотрел на меня снизу вверх. Сказал:

– Асфальт теплый. А солнца нет.

– Губерские?..

– Кто ж еще.

– Значит, выезжали.

– Но до моста не доехали.

Авто на ходу остались лишь у Губера и его нелюдей. Равно как и топливо, и оружие – ушлые ребята подсустились, сгребли все, что можно (и что нельзя – тоже заграбастали, кто бы им рискнул помешать?), пока остальные, вроде меня и Янки, пытались просто выжить. В открытом бою шансов одолеть губерских не было, чего стоят ножи, топоры и самодельные луки против ружей и пистолетов? Когда бандиты выезжали за мост, мои охотники сами становились добычей. За одну зиму мы потеряли пятерых, и лишь один из них умер от болезни и холода, прочих забрали губерские. Вот и сидел наш отряд за насыпью у поворота уже неделю. Ждали своего, быть может, последнего шанса, в засаде.

– Что могло их остановить?

– Не знаю. Соляра кончилась, поломалось что?.. Идем, поищем следы.

Я вытер вспотевшую ладонь о штаны и достал нож. Глянул в сторону бетонки, потом назад, оценил расстояние в обе стороны. Если вдруг Губер с бригадой заявится, придется рвать когти обратно, за периметр. Они, конечно, могут продолжить гонку и за мостом, но там все-таки ландшафт другой, местность холмистая, деревья повалены. Много укрытий. А главное: в укрытиях – наши. Здесь же как на ладони, и если мы со Штырем видим отсюда стены губерского имения, то, понятное дело, оттуда нас тоже можно приметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.